

ВЕРГИЛИЯ КОУЛЛ

Холодные Звезды

16+

Вергилия Коулл

Холодные звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67594919

SelfPub; 2022

Аннотация

Кай – контрабандист и капитан звездолета. Дана – беглянка и мятежная душа. Он давно живет по принципу «каждый сам за себя». Она оставляет предупреждения тем, кто может попасть в ловушку после нее. Мужчина и женщина, затерянные на огромной негостеприимной планете... А с небес за сплетением их судеб равнодушно наблюдают холодные звезды.

Книга ранее публиковалась под псевдонимом Влада Южная.

Вергилия Коулл

Холодные звезды

Послеобеденное солнце превращало белый рукав моей блузки в золотой, играло со стальной брошкой на груди, заставляло шуриться. Со своего места у окна я могла видеть, как снаружи по аллеям студгородка разбредались остальные студенты ГУМО – Государственного Университета Межпланетных Отношений. Среди зелени позднего мая мелькали такие же, как у меня, бордовые жилетки, юбки в темно-коричневую клетку у девушек и однотонные брюки парней. Только что окончился экзамен, аудитория опустела, но мне пришлось остаться за партой, ковырять ногтем край стола и прятать глаза от собеседника.

Отец. Дородный, с лысеющей макушкой и густой черной бородой, больше подходящей пирату из старых книжек, чем успешному чиновнику. Он явился, попросил у преподавателя разрешения переговорить наедине – и все тут же предпочли убраться с глаз долой, перешептываясь и поглядывая на меня. Появление родителя накануне летних каникул напоминало момент, когда ребенка вечером забирают домой из детского сада. Не хватало разве что задорных криков какого-нибудь однокашника: «Дана! Собирайся! За тобой папа пришел!» Стыд и позор. Я могла бы долететь в нужную

точку на карте и сама, как любой другой студент. Оставалось лишь подписать обходной лист и освободить комнату в жилом корпусе.

Отец устроился напротив меня, оседлал стул верхом и сложил крупные перевитые узловатыми венами кисти рук перед собой. В его глазах я прочла мольбу... и страх. Он же знал прекрасно, что мне не понравится эта идея!

– Мне хотелось провести каникулы с мамой, – процедила я сквозь зубы.

– А я сказал, что ты поедешь со мной! – несмотря на тревогу, голос родителя оставался твердым.

– Да зачем я тебе?! – не выдержала я. – Это просто твой способ отомстить маме, признайся! Никак не можешь простить ей развод? Поэтому и меня к ней не пускаешь? Тиран ты, вот ты кто! Поэтому мама тебя и бросила.

– Я не хочу, чтобы она развращала тебя своим... – отец скорчил презрительную гримасу и сжал кулаки, – ...своим образом жизни. Еще не хватало, чтобы ты вздумала брать с нее пример!

– Ах, вот оно что! – протянула я. – Ты ей Виталика простить не можешь!

Отец дернулся. После развода с ним мама вышла замуж за человека на пятнадцать лет моложе и уехала жить на Юг. Как ни странно, ее новый муж мне нравился. Виталик был лет на пять меня старше. Мы с ним быстро подружились, чувствовали себя «на одной волне».

С другой стороны, я видела, что его любящий взор обращен лишь в сторону одной женщины. Он ее баловал и лелеял. Мама даже признавалась, что ощущает себя принцессой рядом с ним. С папой так не было. В детских воспоминаниях я видела ее тихой, молчаливой, наглухо закутанной в скучные одеяния. Теперь, казалось, она даже помолодела и не стеснялась утянуть у меня бикини, если не могла найти свой. В мой прошлый приезд мы тусовались втроем, а уезжала я со слезами на глазах, кучей забавных фоток и самыми приятными впечатлениями.

Этой же перспективой и жила весь учебный год. Представляла, как мы с мамой будем валяться на пляже, заставляя Виталика бегать в ближайший бар за «фрешем». Или станем устраивать гонки на водных мотоциклах, танцевать вечером на еще не остывшем песке под звуки музыки местного диджея. Да много всего можно придумать на отдыхе!

А теперь...

– При чем здесь этот... – отец пожевал губами, но так и не нашел подходящего слова. – Тебе самой будет полезно слетать со мной. Получишь опыт для будущей профессии.

Намек я поняла прекрасно. Мол, если ты учишься на космического дипломата, то должна с радостью отказаться от перспективы отдохнуть на берегу моря ради чужой незнакомой планеты. Как будто после окончания университета я не успею насмотреться на звездную пыль! А эта идея с постепенным покорением всего космоса... можно подумать, на

Земле места мало! Так нет же, прогресс не остановить и все такое. А налаживание связей с жителями соседней планетарной системы – протурбийцами – уже вознесли в ранг перво-степенных задач. Поэтому и дипломатов пачками готовили. Словно протурбийцы без нас и дня не проживут!

– Я хочу провести лето с мамой, – упрямо повторила я. – А не на этой твоей... как там?

– Юнона, – напомнил название планеты отец. – Меня назначили там губернатором новой колонии. Пока ничья, надо осваивать. Поэтому...

– Поэтому, пока ты будешь пропадать в душных отсеках штаба, я буду сидеть в четырех стенах и пялиться в потолок, – отрезала я. – Пап, ну признай сам! Ты просто хочешь наказать маму и меня!

– Откуда ты знаешь, как все будет, если еще не поехала?! – взорвался отец, его лицо покраснело.

Я перевела взгляд за окно. В ясном голубом небе носились веселые стайки птиц. Деревья шелестели изумрудно-зеленой листвой. Солнышко припекало. Смотришь – душа поет и радуется.

– Там атмосфера хоть для жизни пригодна?

Заминка в ответе отца уже подсказала истину.

– Вне базы придется носить скафандр, – с неохотой признался он, – но с нами полетят агрономы. И возможно...

– Все понятно, – со вздохом оборвала я. – Наверняка, это унылая планетка с серой землей, серым воздухом и серым

небом над головой. Уже по названию ясно. Почему-то самые красивые названия дают самым отвратительным кускам космического дерьма.

– Дана! – возмутился отец.

– Что «Дана»? – передразнила я. – Тебе надо, ты туда и езжай! Тебе, в конце концов, за это деньги платят.

– На эти деньги ты учишься здесь! – прорычал он.

– А я могу и не учиться! Уеду к маме насовсем, буду им с Виталиком в гостинице по хозяйству помогать.

– Никогда моя дочь не будет работать горничной! – стол жалобно скрипнул, когда отец грохнул по нему кулаками.

– Почему же горничной?! – парировала я. – Администратором устроюсь.

– Все-таки хочешь как мать, да?! – глаза у родителя сузились.

– Жить хочу, папа! – я вскочила на ноги и схватила сумку. – Жить здесь, на Земле, на родной планете. Где солнце, ветер, вода. Не нужен мне твой космос, и планеты твои не нужны. И дипломатия эта твоя... если б силой не впихнул, не пошла б сюда учиться!

Развернувшись на пятках, я пошла к выходу.

– Дана! – крикнул вдогонку отец, но я пропустила зов мимо ушей. – Дана, я тебя еще не отпускал! Вернись сейчас же!

Я распахнула дверь и приготовилась выйти в коридор.

– Дана, я звездолет уже подготовил. Специально старт на ближайший космодром перенес, чтобы тебе недалеко было

добираться. Так что это не обсуждается! Через неделю вылетаем! Сама придешь, иначе за шиворот притащу!

Я выскочила из аудитории и пробормотала под нос:
– Это мы еще посмотрим, дорогой папочка.

***

Пока спешила в жилой корпус, прокручивала в голове различные варианты. Самым подходящим казался побег. Купить билет на ближайшие дни, сесть в самолет – и что тогда отец мне сделает? К маме за мной он точно не поедет: родители старательно избегали друг друга с момента развода и даже общаться в случае крайней необходимости старались только через меня. Как дети малые, честное слово. Поэтому я была более чем уверена: если удастся сбежать к маме, отцу придется сделать вид, что он сам передумал брать меня.

В комнату, которую делила с двумя подругами, я вошла, пожалуй, слишком резко. Широко распахнувшаяся дверь ударилась о стену. Высокая и стройная Лиза, которая в одном шелковом халатике крутилась перед зеркалом, вздрогнула и выронила палетку с тенями. Крышка отлетела, разноцветные кусочки раскрошились на полу. Бимбо, любимый питомец Лизаветы, с забавными блестящими глазками и тонкими ножками, прыгнул с кровати и залился звонким лаем.

– Простите, – повинилась я, аккуратно прикрывая за со-

бой дверь.

– Бимбо! Тихо! – Лиза явно разрывалась между порывом спасти остатки теней и успокоить собаку. Все-таки выбрала второе, присела на колени и зажала зверьку пасть. – Нельзя, чтобы коменданту наступали, что ты живешь с нами!

Действительно, содержать животных в жилых корпусах строго запрещалось, но Лиза была из тех людей, кто воспринимает запреты как досадные недоразумения. Впрочем, ей многое сходило с рук. Моя подруга обладала тем редким обаянием, когда одной улыбки хватало, чтобы растопить самое холодное сердце самого сурового преподавателя. Я подозревала, что комендант нашего корпуса давно в курсе четвероногого жильца, но тоже по каким-то причинам закрывает глаза на его присутствие.

Вопреки устоявшемуся мнению, что красивые люди обязательно высокомерны и презрительны к окружающим, Лиза обладала не только милой внешностью, но и прекрасным характером. Возможно, причина всеобщей любви к ней крылась именно в этом. Она обожала общаться с людьми. Охотно брала на себя обязанности организатора. Единственной слабостью подруги была успеваемость. Лиза слишком легко увлекалась всем новым и забывала, что иногда надо корпеть над учебниками, чтобы не вылететь из университета. Если бы не популярность и успех, неизвестно, как долго бы она тут продержалась.

– Все равно мы уезжаем на каникулы, – заметила Катя, ее

сестра-близнец, и лениво потянулась на кровати.

Насколько обе девушки походили внешне, настолько различались внутренне. Блестящие темные волосы Катя заплетала в длинные тонкие косы, густо подводила глаза черным и называла себя «неофитом». Я старалась не вникать в значение этого слова. Понимала лишь то, что моя вторая подруга – та еще гордячка. Выпрашивать оценки по примеру сестры Катя считала ниже своего достоинства. Всего и везде добивалась терпением и настойчивостью. Презирала шелковое белье и обожала растянутые мужские свитеры. Ничуть не расстраивалась, когда заинтересованные парни перебежали к более улыбчивой и легкой на подъем Лизе, но и «синим чулком» я бы не смогла ее назвать.

Я бросила сумку на свою кровать, подошла к зеркалу и принялась собирать разбитые тени подружки. Лиза, тем временем, отчаялась успокоить Бимбо и просто унесла его в ванную, чтобы запереть там. Обычно это помогало. Песик переходил с лая на поскуливание, и его выпускали.

– Так что случилось-то? – поинтересовалась Катя.

– Папа пытается не пустить меня к маме, – со вздохом пожаловалась я, сложила косметику на стол и подошла к плазменной панели интерактивного доступа.

Одного касания хватило, чтобы на экране развернулась страница продажи электронных билетов. Я почесала подбородок, пробежалась взглядом по списку рейсов, выбрала подходящий.

– Ты улетаешь? – вернулась из ванной Лиза.

– Угу, – я нажала на кнопку покупки билетов. – Прости за испорченную косметику.

– Да ерунда, – подруга подошла и встала за плечом, тоже разглядывая экран.

Программа запросила поднести к глазку сканнера, расположенному по нижнему краю панели, «ай-ди» – персональный номер, к которому привязывались все личные данные, счета, медкарта и прочая важная информация. Я повернула браслет на запястье чипом вверх, провела им под красным лучом. На экране высветилась надпись: «Заблокировано валидатором».

– Что там?! – со своего места вытянула шею Катя.

– Кажется, отец заблокировал мой «ай-ди», – протянула я, едва сдерживая слезы.

Папа продолжал отыгрываться на мне и показывать свою власть там, где не мог уже сделать этого с мамой. Еще вчера я оплачивала интерактивные покупки, и все счета прекрасно работали. А теперь, после нашего с ним неприятного разговора – раз, и заблокировались. Будто отец продолжал напоминать, кто в семье главный.

В сердцах я стиснула кулаки и плюхнулась на ближайший стул. На глаза навернулись злые слезы. Не хочу, чтобы меня тащили за шиворот, как малолетнего ребенка! Как же бесила эта беспомощность!

– Ну купи билеты на мой «ай-ди»... – с сочувствием пред-

ложила Лиза и протянула руку с браслетом. – Потом деньги с маминого счета перекинешь.

– Купить-то я куплю. А в аэропорту меня никто с блокировкой дальше охраны не пустит, – я подняла глаза к потолку и взвыла: – Ох, ну почему нужно ждать еще полгода до тех пор, пока стукнет двадцать один, и отец перестанет быть моим валидатором!

В комнате повисло молчание. Сестры переглянулись.

– Давай предложим ей, – загадочно произнесла Катя.

– Предложим что? – насторожилась я.

– Ты думаешь? – с сомнением поинтересовалась у сестры Лиза.

– Да что предложить-то хотите?! – не выдержала я.

Лиза отошла к своей кровати и присела на нее, грациозно подогнув под себя одну ногу. Шелковый халатик при этом слегка распахнулся, приоткрывая соблазнительные очертания груди. Катя тоже подалась вперед, скрестила по-турецки ноги и нахохлилась в своем дурацком свитере.

– Поехали с нами, – сказала она.

– Я познакомилась с парнем, – пояснила Лиза в ответ на мою удивленно выгнутую бровь. – Он скоро улетает... буквально на днях. У него небольшой звездолет, чисто мужская компания.

– На троих, ага, – добавила ее сестра.

– И он пригласил меня с собой в поездку, – продолжила Лиза. – Подруг брать не возбраняется. Так будет веселее.

Я поморгала.

– Вы что, совсем чокнутые? Собираетесь куда-то лететь с тремя малознакомыми парнями?

– Почему же малознакомыми? – обиделась Лиза. – Мы с Каем уже неделю встречаемся. – Она картинно закатила глаза. – Он тако-о-ой классный! Мне кажется, я уже его люблю!

Катя тоже закатила глаза, но немного с иным выражением. Все знали, какова способность ее сестры влюбляться в парней и остывать к ним.

– Серийные убийцы тоже классными бывают с виду, – мрачно заметила я.

– Поверь, у меня есть свой способ проверки мужчин, – отмахнулась Лиза. – Я не доверяю никому, пока не побываю с ним в постели. Вот там настоящая натура и проявляется.

Она скорчила многозначительную гримаску.

– Значит, ты его уже проверила, и он не серийный убийца, – догадалась я.

– Да говорю же, Кай – просто сказка! – подруга всплеснула руками, вызвав у сестры очередное скептическое закатывание глаз. – У него такой пресс, такие руки... м-м-м! А как он целуется! И он сказал, что не хочет со мной расставаться на эти два месяца. Понимаешь? Не хочет! Возможно, мы даже поженимся. И если родится мальчик...

– И чем он занимается? – довольно невежливо перебила я, понимая, что иначе Лиза не остановится.

Сестры опять переглянулись.

– Кай работает на одну благотворительную организацию... – начала Лиза.

– Он возит контрабанду протурбийцам, – вставила Катя. – Алкоголь. Ты же помнишь, на истории развития космоса нам рассказывали, что в их планетарной системе не изготавливали спирт. Но наши цивилизации встретились, обменялись технологиями. Оказалось, что спиваются эти гуманоиды только так. У них производство запретили. Даже ввоз от нас туда не разрешен. Поэтому прибыльное дельце Лизкин ухажер затеял.

– Но именно из-за того, что спиваются до смерти, ввоз алкоголя к протурбийцам и под запретом, – наморщила я лоб.

– Именно поэтому это и называется «контрабанда», – передразнила меня Катя. – А прикрывается все гуманитарной помощью от благотворительной организации. Там все по ходу четко налажено.

– И сколько же это ваше романтическое путешествие продлится? – перевела я взгляд на Лизу.

– Месяц туда, месяц обратно, – потеребила та полу халатика.

– А родителям вы что скажете?

– Что поедем на лето к тебе...

– Здорово, – только и смогла выдохнуть я.

– Просто, – заговорила Катя, – ты ж понимаешь, что он в обход таможни вылетать будет. Чтобы груз не досматривали.

Наверняка и тебя с твоим заблокированным «ай-ди» проведет. Ты так расстроилась из-за поездки с отцом. Выбирай, конечно, сама, что будет лучше. Мы просто предложили.

Я задумалась. Ни одна из перспектив не радовала. Провести три месяца с отцом на незнакомой планете или два месяца в путешествии до протурбийцев и обратно? И там, и сям – космос, будь он неладен. Ограниченное пространство, кондиционированный воздух, отсутствие солнечного света, чужие люди...

Но с отцом не хотелось лететь из вредности. Просто чтобы доказать: он не такой всемогущий, каким себя считает. Думает, что заблокировал меня – и никуда не денусь! Не на ту напал! Я еще покажу ему, что могу быть самостоятельной личностью и не обязана никому отчитываться. Не хочет отпускать по-хорошему – отпустит по-плохому. А следующим летом я стану окончательно совершеннолетней и никто больше не сможет заблокировать мои данные.

Бимбо принялся скрести дверь, Лиза отправилась его успокаивать, а Катя, улучив момент, наклонилась ко мне и шепнула:

– Ну поехали, а? За сеструхой приглядеть поможешь. Ты ж видишь, она не в себе от этого Кая. Отговорить не могу, бросить – тоже. Вдвоем легче будет ее контролировать, а то эти разговорчики про «выйти замуж непонятно за кого» меня уже пугают.

– Хорошо, – вздохнула я, – буду рада, если этот ваш Кай

согласится и меня взять.

***

Следующие два дня мы с девчонками потратили на то, чтобы уладить все дела в университете и собрать вещи. Я не хотела признаваться подругам, но прежняя бравада схлынула, и идея поездки «в никуда» с каждой минутой нравилась мне все меньше.

Поэтому, когда мы прибыли на космодром в назначенный день, я буквально заставляла себя передвигать ноги, приближаясь к звездолету. Сам корабль еще издалека показался довольно потрепанным. Словно побывал уже в переделках, следы которых «на долгую память» остались на обшивке его корпуса. Несколько раз в прошлом мне доводилось провожать отца в очередную миссию, и я помнила его огромные корабли-дома, напичканные различным оборудованием. Достаточно медленные в полете, они, тем не менее, создавали ощущение надежности и уверенности. И, конечно, никто не сомневался, что каждая деталь таких машин работает как надо.

При взгляде на свой будущий приют я почувствовала первые ростки этого неприятного сомнения. Небольшие размеры наверняка придавали звездолету скорости и маневренности, но... постойте, в каком году эта штука совершила свой первый полет?!

Сестры остановились перед кораблем по обе стороны от меня, и мы дружно сбросили под ноги тяжелые сумки.

– Что-то мне это все не нравится... – пробормотала я.

– Мне тоже не нравится, но Лизку бросить не могу, – вздохнула Катя.

– Да не волнуйтесь, девочки! Все будет хорошо! – Лизавета посмотрела на нас обеих и похлопала длинными ресницами. – Нас ждут приключения! Вот увидите: вернемся домой, будет что вспомнить! – В ответ на наше скептическое молчание она надула губы и отмахнулась: – Пойду найду Кая.

– Пойду присмотрю за ней, – сообщила ее сестра и удалилась следом.

Я осталась в окружении багажа совершенно одна. В растерянности огляделась. Поодаль стояли другие корабли, вокруг них сустились люди, работали погрузчики, но на меня никто не обращал внимания. Переминаясь с ноги на ногу быстро надоело, тогда я решила осмотреть звездолет со всех сторон, чтобы развеять глупые страхи. Может, мне все показалось, и при ближайшем рассмотрении он окажется надежнее, чем издалека?

За сумки я не переживала – в округе не видела никого, кто мог бы заинтересоваться их присвоением – поэтому смело двинулась к хвостовой части корабля. Грузовой отсек оказался открытым. Рядом громоздились ящики. Я остановилась возле них и пригляделась к маркировке. На замках стояли печати, на бортиках красовалось сердце в ладонях: эм-

блема «Поможем вместе» – благотворительной организации, призывающей собирать гуманитарную помощь для протурбийцев, живущих в отдаленных и малых селениях.

Все знали, что уровень развития их цивилизации не во всем совпадает с нашим. Видимо, люди пытались таким образом укрепить добрососедские отношения. Вот только... благодаря рассказам подруги, я подозревала, что в ящиках отнюдь не предметы обихода, которые можно обменять на уникальные, способные лечить почти любую болезнь протурбийские вытяжки из растений, аналогов которым на Земле не существовало. Там алкоголь, который сам для тех «соседей» как болезнь или яд! И получается, что вместо налаживания отношений, данная поставка их просто убивала...

– Кого-то провожаешь или кого-то встречаешь, белоснежка? – раздался за спиной насмешливый голос.

Я резко обернулась. Передо мной стоял самоуверенный и наглый тип в перепачканном рабочем комбинезоне. В глаза бросились тяжелые ботинки на грубой подошве и потрепанные перчатки. Темные волосы непослушно топорщились на макушке, на щеках проступили ямочки от улыбки. Высокий, выше меня на полголовы, а мне жаловаться на рост не приходилось. Видимо, он вышел из-за груды ящиков, потому что один из них держал в руках. Как долго наблюдал за мной, пока я изучала маркировку?

– Ты оттуда? – я кивнула в сторону звездолета, решив проигнорировать вопрос, а также с ходу наклепленное прозвище.

Скорее всего, белоснежкой этот тип назвал меня за очень светлые волосы и кожу. Генетическое наследство от мамы, что тут сказать. Несмотря на то, что мой отец был жгучим брюнетом, я родилась вся в нее. Не признавалась даже близким подругам, но брови и ресницы у меня тоже были светлыми, просто каждые несколько месяцев я посещала салон, где красила их в более темный цвет. Специально на тот случай, если какой-то шутник решит дразнить меня альбиносом. Или... белоснежкой.

Собеседник, тем временем, продолжал с интересом меня разглядывать. Как будто раздевал глазами и хотел вогнать в краску. Я гордо вздернула подбородок и ответила ему таким же взглядом. Парень заулыбался еще шире.

— Оттуда, ага, — подтвердил он мою догадку о звездолете. — Некогда мне с тобой болтать, кэп наругает. Разве что... ящики таскать поможешь. Заодно и побеседуем.

Я фыркнула.

— Может, это ты мне поможешь сумки на борт занести? Я к вам, между прочим, грузчиком не нанималась!

— Не-а, дорогуша, — он поудобнее перехватил ящик, и только теперь я подумала, что тот наверняка тяжелый. — Мне за то, чтобы тебе сумки таскать, не приплачивали.

Завершив на этом разговор, наглый тип повернулся ко мне своей обтянутой комбинезоном пятой точкой и пошагал в сторону корабля. Я так и осталась смотреть ему вслед. Подумаешь, какой важный! Не очень-то и хотелось его помощи.

Наверняка в звездолете найдется кто-то более воспитанный. Этот... Лизкин ухажер, что ли. Он же вроде здесь капитан? А этот... работага только и умеет, что ящики таскать да слюни на девушек пускать. Третьего, видимо, не дано.

Пока я стояла и мысленно кипятилась, наглый тип успел вернуться с пустыми руками и взяться за следующий ящик. Даже плечом меня в сторонку подвинул, мол, не мешай.

– Слушай, а ты всегда делаешь только то, за что тебе приплачивают? – не выдержала я.

Парень собрался было отходить с ношей, но остановился вполоборота.

– Ага. А ты – нет, белоснежка?

Его нарочито простоватый говор сбивал меня с толку. В моем окружении почти никто так не произносил слова. Но сомнения зато... на вагон и маленькую тележку.

– Вообще-то, некрасиво так выпячивать свою продажность, когда действуешь якобы под эгидой благотворительной организации, – я сделала двумя пальцами в воздухе знак кавычек, а потом возмущенно сложила руки на груди.

– Зато у тебя все красиво выпячивается, – он красноречиво скользнул взглядом по моей груди и невозмутимо продолжил путь в грузовой отсек.

Я осталась хватать ртом воздух. Двусмысленный комплимент, если это вообще можно назвать комплиментом. Но показывать, как меня задели слова, означало бы признать поражение в словесной пикировке, а этого делать я не собира-

лась.

– Я пожалуюсь капитану, что ты ко мне приставал, и тебя уволят! – сообщила я при очередном появлении парня.

– Смотря в чьей постели будешь спать, – пожал он плечами, прошел мимо и ухватился за очередной ящик.

– Что это ты имеешь в виду? – я резко надавила обеими ладонями прямо на его руку в перчатке, заставив вернуть груз на место. – А ну, объясни!

Мы оказались так близко лицом к лицу, что я сама не ожидала. Взгляд у парня оказался неожиданно серьезным, не подходящим к веселой улыбке, играющей на губах. Меня охватила растерянность. Воспользовавшись этим, собеседник отдернул руку из-под моих ладоней и едва успел придержать бедром накренившийся ящик, чтобы тот не рухнул на ноги. Такой резкий и нервный жест показался странным на фоне общего уверенного поведения. Будто... моему визави было неприятно прикосновение?

– Если ты катаешься бесплатно, белоснежка, у тебя нет права голоса, – в тоне парня мне почудилась угроза. – Сначала найди того, кто оплатит это право, а потом возмущайся.

– Что?! – я поморгала в растерянности.

– Кэп!

Мы оба как по команде обернулись на зов. В сопровождении семенившей на каблучках Лизы к нам спешил мощный верзила с бритым черепом и серьгой в носу. В ушах тоже виднелся пирсинг, на шее – татуировки. На нем красовались

точно такие же ботинки, перчатки и рабочий комбинезон, как и на моем собеседнике.

— Кэп, виноват, задержали. Сейчас помогу закидать все, — с этими словами он вклинился между мной и парнем и подхватил тот самый злополучный ящик.

— Кэп?! — я вытянула шею, чтобы встретиться взглядом с этим человеком.

К счастью, верзила отошел и перестал закрывать обзор.

— Кай! — Лиза с разбегу бросилась на шею моему новому знакомому, их слившиеся в поцелуе губы оказались прямо на уровне моего лица.

Я застыла как истукан, и не знала, на кого больше злиться: на Кая, который обвел меня вокруг пальца, или на себя, что купилась?! И, главное, каков наглец! Вместо того чтобы сразу представиться как следует, решил поглумиться, изображая деревенского увальня!

Тем временем, ничуть не смущаясь устроенного передо мной представления, Кай крепко стиснул мою подругу в объятиях и, кажется, засунул язык в ее рот. Та прижалась к его груди, запустила пальцы в волосы и заметно растаяла от ласки. Восторг, с которым Лизка описывала своего парня, красноречиво читался на ее лице.

Еще несколько мгновений я тупо пялилась на слияние влюбленной парочки, потом сообразила, что происходит, и потрянула головой.

— В общем... я передумала. Я никуда не полечу.

С этими словами попятилась назад, мечтая отмотать время, чтобы просто не появляться здесь и не выглядеть клоуном, потому что чувствовала себя именно посмешищем.

Лиза, наконец, отлипла от своего парня и с изумлением уставилась на меня.

– Дана, ты что! Мы же вроде все решили...

– Действительно, куда же ты, белоснежка? – ухмыльнулся Кай, вытирая тыльной стороной кисти еще влажные после поцелуя губы и продолжая по-хозяйски обнимать за плечи мою подругу другой рукой. Просторечный говор у него при этом бесследно исчез.

Я и сама не знала, куда направляюсь. Главное, подальше от человека, один вид которого теперь меня бесил. Развернувшись, чуть не столкнулась нос к носу с Катей, которая тоже смотрела на меня, как на сумасшедшую.

– Ты чего? – пробормотала она.

– Дурацкая затея, – произнесла я достаточно громко, чтобы все услышали, и показала на звездолет, – эта жестяная развалюха и тысячи километров не протянет. Рассыплется еще в атмосфере!

Обогнув Катю, я подхватила свои сумки. Пока взваливала одну на плечо, повернулась. Обе подруги стояли в растерянности. Бритоголовый верзила вышел из грузового отсека и ковырялся в зубах, наблюдая за нами со стороны. Ага! Кай наконец-то перестал выглядеть довольным собой. Наверно, подколка по поводу корабля задела. Я злорадно ухмыльну-

лась.

– Эта развалюха еще тебя переживет, дорогуша! – крикнул он. – Залезай, прокачу, сама убедишься.

– Спасибо, форма оплаты не подходит, – отозвалась я и сердитым шагом двинулась прочь. Правда, с тяжелыми сумками это удавалось не так быстро, как хотелось бы.

За спиной раздался перестук каблуков.

– Ты что, правда, испугалась, что корабль ненадежный? – взволнованно спросила Лиза, стараясь держаться вровень со мной.

– Слушай, этот твой Кай – ненормальный, – ответила я, пытаясь от натуги, – подошел, притворился грузчиком и разыграл меня.

– Ну, пошутить, наверное, хотел. Не обижайся... – жалобно протянула она.

– Да? – я поколебалась, но решила, что горькая правда лучше сладкой лжи. – А ничего, что он мне двусмысленные намеки отвешивал? Зачем, если у него с тобой все серьезно?

Лизавета наморщила хорошенький лоб.

– Не знаю. Мне кажется, все мужчины любят флирт. Они же полигамные по своей природе.

Я только простонала сквозь стиснутые зубы. Ну как, как можно быть настолько слепой?! Нет, воистину, влюбленная Лиза – это нечто.

– Так что, насовсем передумала? – вступила в разговор Катя, прилепившаяся ко мне с другой стороны. – Мне без

тебя скучно будет. Лизка лямур крутить начнет, а мне чем себя занять?

– Девчонки, – я остановилась, бросила сумки на землю и вздохнула, – ну правда, спасибо вам, что пригласили, но меня эта затея уже не вдохновляет. Парни какие-то неприятные и вообще.

– И что? – продолжила Катя. – С отцом полетишь?

Я в который раз задумалась над перспективой.

– Нет. Попробую квартиру где-нибудь здесь снять, на лето на работу устроюсь. Может, отец смягчится и разблокирует мой «ай-ди», когда будет улетать. Тогда отправлюсь к маме.

Подруги склонили головы. Настроение у них испортилось не меньше моего. Первой смирилась Лиза.

– Мы, правда, будем скучать, – она подошла и обняла меня. – Увидимся в августе?

– Увидимся в августе, – проворчала Катя, в объятия которой я перешла после ее сестры.

– Пока, девчонки! – я снова взялась за сумки.

Сестры помахали мне на прощание и побрели обратно к звездолету. Я проследила взглядом дальше, заметила Кая, который стоял, расставив ноги и сложив руки на груди, и неотрывно наблюдал за сценой расставания. Хочет убедиться, что точно спровадил меня подальше? Неужели я настолько же не понравилась ему с первого взгляда, насколько и он – мне? Руку вон как отдернул, словно обжегся, когда я его схватила. Еще и над внешностью моей подшучивал. Никогда

раньше и ни с кем еще у меня не вспыхивало такой жгучей и взаимной неприязни. Очень хотелось надеяться, что такого больше ни с кем и не повторится.

Гордо вздернув подбородок, я отвернулась и продолжила свой путь в одиночестве. Миновала погрузчик с оранжевым предупредительным огоньком на крыше, обогнула группу мужчин, обсуждавших что-то между собой. Внезапно в наушнике, укрепленном в моем правом ухе, раздался сигнал входящего вызова. Пришлось в очередной раз скинуть сумки под ноги, чтобы освободить руку и коснуться пальцами кнопки.

– Вас вызывает... – раздался женский голос автомата системы связи, – ...отец.

Сердце тут же бешено заухало в груди. Сглотнув, я нажала повторно, чтобы начать разговор.

– Дана! – с ходу обрушился на меня глубокий и очень сердитый голос родителя. – Ты где сейчас находишься?

– В городе... – протянула я, пытаясь на ходу что-то придумать.

Никто ведь не мог предположить, что мой план побега с треском провалится из-за того, что не сойдемся характерами с капитаном звездолета, иначе сейчас я бы уже сидела в корабле и спокойно игнорировала отцовские звонки.

– А я сейчас стою перед жилым корпусом твоего университета! – прорычал он. – И мне только что сказали, что ты сдала комнату и со всеми вещами уехала домой. Поэтому по-

вторую вопрос и жду честный ответ: где ты сейчас находишься?

Я не успела и рта раскрыть, чтобы ответить, как отец продолжил:

– Где бы ты ни была, не думай, что сможешь от меня увильнуть. Я тебе сказал, что ты летишь со мной – и точка! Из-под земли достану, но слушаться научу. Я уже всем сообщил, что моя дочь летит со мной, твое место в экспедиции готово. Вылет сегодня. Быстро говори мне адрес, откуда тебя забрать!

– Сегодня?! – протянула я.

Значит, отец задумал поймать врасплох. Знал, что я попробую ускользнуть, и поэтому обманул с датой вылета. Надеялся взять тепленькой и расслабленной, ничего не подозревающей, и потащить силком, пока не начала сопротивляться!

– Когда ты поймешь, что не имеешь права мной распоряжаться! – рявкнула я в ответ.

– Я имею право тобой распоряжаться, – не остался в долгу он. – Я, а не твоя непутевая мать! И чтобы больше со мной в таком тоне не разговаривала!

– Нет! Нет! – нажатием пальцев я прекратила звонок, потом выдернула из уха наушник и сунула в карман, не желая слышать повторных вызовов.

Если бы отец хоть раз проявил интерес ко мне как к дочери, а не только как к орудию мести своей бывшей жене! Но

все его действия сводились к одному: не уступить меня маме, как он не уступил ни грамма имущества сверх положенного по брачному договору. Я так устала от их бесконечной междоусобной войны! Так устала чувствовать себя единственной вещью, которую они не смогли распилить пополам!

Я пообещала себе, что не заплачу, пока растерянно озиравшись по сторонам. Куда податься? Отец наверняка уже с полицией меня по всему городу ищет. И ведь непременно найдет. Засунуть подальше уязвленную гордость и вернуться к подругам? Я поморщилась от этой мысли. Придется из двух зол выбирать меньшее.

На обратном пути к звездолету я волочила сумки за собой. Таскать их туда-сюда силы закончились. Катя, сидевшая на своем багаже, заметила меня и заулыбалась. Лиза всплеснула руками и подбежала с радостным визгом.

– Передумала еще раз?

– Передумала, – неохотно согласилась я.

Подруга потащила меня к мужчинам, которые до сих пор укладывали груз в корабль, и с ходу громко их возвестила:

– Нас снова будет трое!

Бритоголовый только окинул меня беглым взглядом и продолжил таскать ящики. Похоже, ему вообще было плевать, сколько и кого будет. А вот Кай, который как раз вышел из грузового отсека, отряхнул ладони о штаны и неспешно приблизился. Остановился прямо напротив меня. Я стояла под обстрелом его внимательных глаз и старалась не выгля-

деть жалкой побитой собачонкой, приползшей погреться.

– Мы ведь возьмем ее? Возьмем? – с надеждой спрашивала Лиза, вклиниваясь сбоку между нами.

Его кадык подпрыгнул. Я невольно напряглась. Кай сомневается? Чего ждет? «Да» или «нет»?

– Возьмем же? Да? – вторила моим мыслям Лиза.

Кай чуть наклонился вперед, приблизил лицо к моему и отчеканил:

– Нет.

Повисло молчание.

Такого ответа, наверное, не ожидал никто. Я сама в глубине души была уверена, что мне не откажут. Лиза приоткрыла рот и осталась так стоять.

– Ты же сам приглашал меня проверить твой корабль на прочность! – опомнилась я.

Кай невозмутимо пожал плечами.

– Срок действия приглашения истек, белоснежка.

Я почувствовала, как мои щеки начинают гореть, словно он надавал мне хлестких пощечин.

– Кай! – умоляющим тоном протянула моя подруга.

– Нет, с ней возни много, – он тряхнул головой и даже подкрепил свои слова жестом. Отвернулся и как ни в чем не бывало пошел к ящикам.

– Кай! – позвала Лиза.

– Нет, я сказал! – он подхватил очередную ношу и сделал вид, что нас не замечает.

– Ах, значит, «нет»! – я сорвала с плеч легкую кофту и в сердцах швырнула ее на землю.

Приподняв брови, Кай наблюдал, как я, стиснув кулаки, подошла к ящикам и схватилась за ближайший. Ух, тяжело! Низ живота сразу потянуло. Я надула щеки, стараясь не пыхтеть слишком громко, отклонилась назад под немыслимым углом, буквально взвалив пластиковый контейнер на себя, и кое-как утиной походкой двинулась в сторону грузового отсека. Пальцы скользили по гладким стенкам, приходилось то и дело останавливаться и перехватывать поудобнее.

– Ты же надорвешься! – бросилась ко мне подруга.

– Нет, – задыхаясь, пробормотала я, – если здесь не дают место бесплатно, значит, я его получу за работу!

Проходя... нет, проползая мимо Кая, я смерила его презрительным взглядом. Умру, но не сдамся!

– Ну что ж, – фыркнул он и пошел со своим грузом вперед так легко, будто ящик почти ничего не весил, – по рукам.

Лиза пыталась помогать и поддерживать ящик снизу, Катя тоже устремила на выручку, но вместе подруги только мешали, и им волей-неволей пришлось отойти и беспомощно наблюдать за представлением.

Кое-как я вползла с ношей в грузовой отсек и со стоном свалила контейнер на груды таких же.

– Ровнее ставь, – буркнул бритоголовый и поправил ящики, – нам еще их фиксировать к полу.

Пришлось стиснуть зубы и проглотить все упреки. Подга-

дав момент, чтобы не столкнуться с Каем, я вернулась за вторым ящиком. Дотащить его получилось еще медленнее, чем первый. Руки болели так, что пальцы грозили вот-вот разжаться, но я упорно переставляла ноги и старалась держать спину прямо. Зато смогла точно подсчитать, сколько шагов мне предстоит сделать за каждую ходку.

Третий ящик Кай, идущий навстречу из грузового отсека, у меня перехватил.

– Достаточно, – прошипел он мне в лицо, буквально вырывая ношу.

– Я еще не устала, – я смахнула капли пота, катившиеся по лбу, и вздернула подбородок. – Думаешь, не справлюсь, да?

Его глаза прищурились.

– Если уронишь – разобьешь то, что внутри. Мне убытки не нужны. Достаточно. Считай, свое место отработала, – продемонстрировав мне широкую спину, Кай понес ящик в отсек.

– А тебе лишь бы выгоду не упустить! – бросила я вслед, чувствуя, что едва держусь на ногах.

– Ты себе место отработала, а не право голоса, белоснежка! – не оборачиваясь, парировал он.

***

Пока заканчивалась погрузка, мы с девчонками поднялись на борт звездолета. Вдоль стены в основном отсеке тя-

нулся ряд кресел с ремнями безопасности. Корабль был рассчитан на, по меньшей мере, человек десять, но кроме капитана и его бритоголового помощника ни одной живой души я пока не успела заметить. Кажется, Лиза упоминала, что у них команда из троих? Тогда неудивительно, что и ящики таскать самим приходится. Скорее всего, каждый из членов экипажа выполнял несколько функций.

Пока я оглядывалась, сестры уже вовсю обживались. Лиза опустила на колени и поставила на пол корзину-переноску с Бимбо. Стоило поднять крышку – и песик со звонким лаем выскочил из темницы и быстро скрылся в соседнем отсеке.

– Надеюсь, он не нагадит в неподходящем месте, – проворчала Катя, – а то нас не только тяжести заставят таскать, но и драить тут все.

– Мы и так наведем тут порядок, – повернулась к ней сестра, – мы теперь тут хозяйки!

От меня, правда, не укрылась тревога, промелькнувшая на лице подруги.

– Бимбо! – позвала Лиза. – Бимбо! Иди сюда, непослушная собака!

С этими словами она отправилась на поиски животного, а мы с Катей присели в ожидании остальных.

– Ну и чего ты с капитаном сцепилась? – начала читать нотации подруга. – Я уж на секунду подумала, что он сейчас нас всех выгонит. Мне-то по барабану, а вот Лизка бы расстроилась.

Я виновато понурилась. Конечно, огорчать своих девчонок не планировала. Но когда Кай заладил «нет», внутри прямо все запылало! Не зря мама говорила, что характер у меня отцовский. Может поэтому мы с папой иногда напминали двух баранов, упершихся рогами на тонком мостике через речку?

– Не нравится он мне, – упрямо повторила я.

– Чем? – удивилась Катя. – Чем он мог тебе не понравиться за три минуты знакомства?

– Не знаю, – я сложила руки на груди, – всем. Дурак он, и шутки у него дурацкие.

Подруга хмыкнула.

– Ты ему об этом хотя бы до взлета не сообщай. Чтоб раньше времени не высадил.

– О чем не сообщать? – появилась запыхавшаяся Лизка. В ее руках извивался и возмущенно поскуливал пес.

– Слушай, – осенило меня, – а собаку тебе брать сюда разрешили? Катя права, ему же в туалет надо будет где-то ходить.

– Кай мне все разрешает, – улыбнулась она. – Он сказал, что весь звездолет в моем распоряжении! А еще он сказал...

Я с трудом подавила желание заткнуть уши.

С не меньшим трудом я подавила желание отвернуться или зажмуриться при появлении самого Кая. Он успел переодеться в комбинезон почище, скользнул равнодушным взглядом по нам с Катей, отдал пару коротких приказов бри-

тоголовому и вошедшему следом третьему субъекту – долго-вязому парню с орлиным носом. По коротким обрывкам разговора я смогла догадаться, что этот отвечает за электронную начинку корабля, тогда как бритоголовый был кем-то вроде механика и логиста.

Лизка опять повисла на возлюбленном, скользнула пальчиками по шее, зашептала что-то воркующим голоском на ухо. На лице Кая проступила улыбка, и в одну секунду я совершенно четко поняла ее значение. Ему что-то пообещали. Нечто волнующее и, несомненно, приятное. И это что-то пришлось ему очень и очень по душе.

После загадочного обещания Кай даже на собаку взглянул снисходительно. Я не верила своим глазам. Лизка не обманывала! Он потакал всем ее капризам. Правда... с таким же выражением лица сама Лизавета баловала своего Бимбо.

И тут мне все стало понятно.

– Я знаю, почему они взяли нас с собой, – прошептала я сидящей рядом Катьке.

– И почему? – шепнула в ответ она.

– Ну подумай сама. Парни. В одиночку. Два месяца. В открытом космосе.

Катька поморгала.

– Представила. И что?

– Что там Лизка говорила про инстинкты? Мы тут для их развлечения! Чтобы ублажать их в постели! Вот зачем! Чтоб нескучно им было в пути!

Катька снова поморгала, а потом вдруг рассмеялась.

– Так ясен пень! Это ж и ежу понятно!

– Да? – с сомнением протянула я.

– Ну да, – уверенно кивнула подруга. – Только если повода давать не будешь – никто тебя не тронет. Поверь моему опыту.

Мне очень хотелось верить ее опыту, только теперь все виделось в несколько ином свете. Я заметила, какое по-особенному холодное и жуткое выражение глаз у бритоголового, когда он вдруг посмотрел на меня. В очередной раз мелькнула мысль: может, стоило все же выбрать поездку с отцом? Там, по крайней мере, пришлось бы просто умирать от скуки, а не от страха перед неизвестностью.

Но корабль дрогнул, уже оторвавшись от земли. Я вцепилась в подлокотники кресла, как никогда отчетливо понимая, что совершила самую ужасную ошибку из всех возможных, и втайне лелея слабую надежду, что в последний момент полет сорвется. Что Каю запретят выход в космос, или двигатели забарахлят, и придется срочно садиться обратно.

Эфир был чист. Кораблю беспрепятственно дали коридор для полета. Огромная черная бездна гостеприимно распахнула свои объятия для утлой консервной банки с контрабандным грузом на борту.

***

Ночью мне не спалось. После таскания тяжестей ломило спину и мышцы рук. Все вокруг казалось непривычным: звук работающей вентиляции, размеры спальной ячейки, отделенной от прохода лишь гибкой застегивающейся на «молнию» ширмой. Но хуже всего было то, что спальный отсек не подразумевал какой-либо интимности. Стоны Лизы отчетливо разносились по погруженному в тишину помещению, а у меня перед глазами так и всплывали соответствующие картины.

Мужское тело на женском. Ритмичные сокращения ягодиц. Судорожно впившиеся в обнаженную плоть пальцы. Полуоткрытые от переизбытка эмоций рты. Влажные прикосновения губ к разгоряченной коже. Запах страсти, который постепенно наполняет небольшое замкнутое пространство на двоих...

Это ужасно и невыносимо – пытаться заснуть, когда кто-то по соседству занимается сексом. Еще хуже, когда известно, кто и с кем. Я вертелась на простынях, прятала голову под подушку и затыкала уши пальцами, но раз за разом слышала эти низкие грудные выдохи:

– Кай! О-о-о... Кай!

Содрогаясь от отвращения, мысленно я умоляла их закончить быстрее, но, как назло, минуты удовольствия тянулись и тянулись, превращая мое существование в ад. Я не хотела представлять Кая голым! Не хотела даже думать о том, что он творит сейчас с моей подругой!

Но все равно представляла и думала.

Я поняла, что не выдержу, если такое будет повторяться каждую ночь. Пересяду на первый попавшийся корабль, с которым только пересечется путь. Не зря говорят, что все познается в сравнении. Суток в компании Кая мне хватило, чтобы заскучать по отцу, раскаяться в побеге и страстно желать возвращения.

В мою ширму поскреблись. Я застыла, прижимая к груди одеяло. За преградой виднелся чей-то силуэт.

– Открой, – раздался приглушенный мужской голос, в котором я не без труда узнала бритоголового.

– Нет! – испуганно прошептала я и на всякий случай отползла подальше к стене, хотя места для маневра особо не предполагалось.

– Открой! Я тоже хочу. Как они.

Ну и что там Катя говорила про то, что никто не тронет? Мне стало жутко. Мороз пробрал до самых костей. Для такого верзилы, как этот, тонкая ширма не прочнее листка бумаги. Одним махом ее сорвет, чтобы меня поймать, и никто даже не заступится, потому что Каю наверняка плевать на все, кроме собственного удовлетворения, а любая из моих подруг слишком слаба, чтобы оказать какую-то помощь.

– Нет! – повторила я, как будто это могло остановить здорового парня.

– Открой, а то сам войду!

Ну вот, чего я и боялась. И ведь не подумала взять с собой

ничего острого, колюще-режущего! Неужели теперь придется каждую ночь трястись от страха и в любой момент готовиться к обороне?

– Знала же, зачем шла, – продолжал «уговаривать» бри-тоголовый, – чего цену себе набиваешь?

Ширма натянулась, смятая сильной рукой. Застежка угрожающе затрещала. Я закусила губу, мысленно уже простившись со здоровьем.

– Кэп! – раздался голос третьего члена команды. Судя по топоту ног, он прибежал из головной части корабля, где оставался на ночную вахту.

Силуэт у моей спальной ячейки бесследно растворился в полутьме.

– Что? – послышалось недовольное ворчание Кая.

– Кэп... ты должен это увидеть. У нас на хвосте патруль.

– Патруль?! – Кай переменялся в голосе и, наверное, в лице.

Послышался шорох в спешке натягиваемой одежды. Мое сердце ускорило бег. Почему-то сразу стало понятно, кто эти преследователи, и зачем им потребовалось нас догонять. Я просто не могла оставаться в кровати после услышанного, поэтому дождалась, пока мужчины покинут отсек, а затем сама осторожно выскользнула наружу.

Дверь в рубку управления была открыта. На широком экране виднелось черное полотно космического пространства с редкими вкраплениями светлых точек. Долговязый в

напряженной позе склонился над пультом. Кай, в одних штанах, нависал рядом. Перед тем как притаиться за дверью, я успела заметить, как побелели костяшки пальцев капитана, вцепившихся в спинку кресла его помощника.

Сбоку в меня уткнулось что-то мягкое. Повернувшись, я нос к носу столкнулась с Лизой. Ее волосы спутались после бурных ласк, губы припухли, глаза еще блестели. Придерживая на груди широкий ворот футболки Кая, которая доходила ей до середины бедра, моя подруга знаками попыталась спросить, что случилось. Так же безмолвно я попросила ее не мешать и приникла щекой к стене.

– Малый военный корабль с опознавательными сигналами этой галактики, – услышала я взволнованный до легкой хрипоты голос долговязого, – примерно в двух тысячах километров за нами. Незначительное отклонение плюс один-два. Поступила команда «Замедлить ход, приготовиться к досмотру». И я сразу побежал к тебе, кэп...

– Ход не замедлять, – прозвучал приказ Кая. – Мы от них оторвемся. Где Бизон?

– Я здесь, кэп, – мимо нас с Лизой в рубку протиснулся бритоголовый.

От одного его появления я невольно сжалась в комок.

– Проложи мне тоннель напрямик в галактику протурбийцев, – обратился к нему Кай. – Туда за нами они уже не смогут последовать. Все полномочия заканчиваются в пределах своей территории.

– Но... – раскрыл было рот бритоголовый.

Договорить не успел.

– Прокладывай мне тоннель!

Проблема набирала обороты, раз Кай повысил голос. Но меня напугал не столько его окрик, сколько перспектива оказаться еще дальше от спасительного патруля.

– Остановитесь! – выскочила я из укрытия. – Они летят за мной!

Кай резко обернулся, его лицо перекосилось от злобы.

– Идите отсюда. Все. Быстро, – скомандовал он. – Пристегнуться к креслам безопасности и молчать!

– Никуда я не пойду! – топнула я ногой. – Хочу, чтобы ты дал мне пересесть на патрульный корабль! Там наверняка мой отец! Он летит за мной!

– С чего ты взяла?

Я пожала плечами.

– Прямо перед отлетом я разговаривала с ним и... и ясно дала понять, что не вернусь. Он мог отследить мое местонахождение по звонку. Наверняка сообразил, что я сбежала. А уж потом узнать, кто и в каком направлении вылетал – вообще плевое для него дело.

Внезапно корабль пошатнулся, словно его смыло в сторону волной. Мне пришлось схватиться за стенку, чтобы не упасть. Кай с трудом удержался на ногах, выставив в стороны руки для равновесия.

– Это еще что такое? – с угрозой спросил он, повернув

голову к долговязому.

– Предупредительный выстрел... – растерянно протянул тот. – Они посылают нам сигнал «Немедленно остановитесь, или откроем огонь на поражение».

Кай грубо выругался сквозь стиснутые зубы и взглянул на бритоголового.

– Бизон, тоннель готов?

– Ты должен остановиться! – в порыве эмоций я схватила Кая за локоть.

– Отстань, белоснежка! – он стряхнул мою руку.

– Там мой отец! Хочешь, чтобы мы все тут погибли из-за твоего упрямства?

– Это только твои догадки! – Кай вдруг схватил меня за плечи, заорал прямо в лицо и заставил попятиться. – Если они не оправдаются, я потеряю все! Все, понимаешь?! Я взял этот груз, и я его доставлю на место любой ценой.

– Ты идиот! – не осталась в долгу я, не зная, как еще его переубедить. – Да кому ты нужен со своим ведром с болтами! Говорю тебе, они тут из-за меня!

– А я говорю тебе, что пора заткнуться! – продолжая удерживать меня, он повернул голову к помощнику. – Тоннель готов?

– Кэп... – нахмурился бритоголовый Бизон, – мне нужно больше времени, чтобы рассчитать координаты. Кроме того... мы не выдержим скачок в гиперпространство, и ты это знаешь.

Новая волна, только теперь с другой стороны, отбросила Кая от меня и заставила девчонок завизжать.

– Следующий выстрел будет на поражение, – проблеял долговязый, уткнувшись в экраны своих приборов.

– Тоннель! – взревел Кай еще громче. – Открывай его! Ну!

– Мы развалимся на части! – лицо у Бизона покраснело.

– Мы выдержим!

– Это будет прыжок вслепую, я успеваю лишь примерно сделать расчеты.

– Так делай их, а не трепись со мной!

Я поняла, что Кая уже ничто не сможет переубедить. Он так трясся за свой груз, что легко мог рискнуть всеми нами. В опасности шага я не сомневалась. Как не подумала раньше! Такой долгий переход, длиной в целый месяц, можно было существенно сократить за счет гиперускорения, и большинство кораблей успешно пользовались подобной возможностью, путешествуя между галактиками. Но эта ржавая банка, видимо, исчерпала запас прочности и доживала последние дни, дрейфуя в космическом пространстве на малом ходу.

Онемев от ужаса, я посмотрела на подруг. Лиза и Катя вцепились друг в дружку и тряслись, но спорить не пытались. Сдались на милость судьбы. Я же, напротив, была полна решимости бороться до последнего. Но когда собралась с духом и приготовилась снова накинуться на Кая, глаза обожгла мучительно-яркая вспышка света. Она тут же угасла. Белые

точки на черном полотне вселенной вытянулись, поплыли, превратились в длинные светлые полосы. Еще одна вспышка. Нарастающий гул...

В следующий миг со всех сторон раздался оглушительный грохот, похожий на тот, когда горсть мелких камней кинут на железный лист. Завыла пронзительная сирена системы безопасности. Корабль начало швырять с утроенной силой. Нас бросило на пол, разметало в стороны. Послышался женский визг, и я не могла поручиться, что он не исходит в том числе и от меня.

— Мы вышли прямо в центре астероидной бури, — попытлся докричаться до Кая бритоголовый. — Я предупреждал, кэп, что координаты примерные...

— Мы в галактике протурбийцев? — спросил тот, цепляясь за кресла помощников, чтобы устоять на ногах.

— Да.

— Отлично. Держать курс на выход из бури.

— Невозможно, кэп! — в голосе долговязого промелькнули истеричные нотки. — У нас потеря управления! Первый и второй двигатели получили повреждения и отказали!

Я подняла голову как раз в тот момент, чтобы увидеть на экране наплывающий на нас огромный шар.

— Что это за планета? — глухо поинтересовался Кай.

— Пытаюсь выяснить, кэп. Бортовой компьютер показывает большую потерю энергии. Мы попали в область притяжения, кэп! Мы не вырвемся, кэп!

– Отойди! – Кай схватил за шиворот и буквально вышвырнул из кресла долговязого. Тут же сам занял его место.

– Что ты собираешься делать? – не на шутку встревожился бритоголовый.

– У нас еще не все двигатели отказали, – сосредоточенно пробормотал Кай, нажимая на кнопки. – Если мы не можем вырваться, значит, мы приземлимся.

– У нас давление снижается... похоже, пролом в корпусе...

Я слушала и не могла поверить своим ушам. Мы падали! Просто падали на чужую планету, а этот сумасшедший еще надеялся на мягкую посадку! У меня внутри все оборвалось. На спасение не осталось надежды.

Тем временем, на пульте управления что-то пронзительно запищало. Долговязый тряхнул головой, подскочил с пола, бросился нажимать на клавиши, вклинившись между двумя креслами.

– Мы не можем туда садиться! – простонал он. – Это Н-17! Там карантин первой степени! Даже аварийные посадки на ней запрещены!

– Как будто у нас есть выбор! – прорычал Кай.

Над нашими головами тут же раздался угрожающий треск. Я забыла, как дышать. Мы просто-напросто развалились на ходу, а входение в атмосферу планеты только добивало дышащую на ладан развалюху.

На экране снова возникло ослепительное сияние. Каза-

лось, корабль охватило пламя.

– Вы еще здесь? – спохватился и вспомнил о нас Кай, обернувшись в кресле. – Жить совсем не хочется?!

Как ни странно, его окрик отрезвил меня. Я вспомнила уроки по безопасности полетов так четко, что даже сама себе удивилась. Нам требовалось срочно зафиксироваться, чтобы не пострадать. Я вскочила на ноги, бросилась к перепуганным подругам, потянула их за собой.

– Быстро! Нужно добраться до кресел!

Это оказалось нелегкой задачей. Из-за тряски нас мотало из стороны в сторону, приходилось передвигаться где ползком, где перебежками. Мои руки и ноги наверняка сплошь покрылись ссадинами от столкновения с различными поверхностями и предметами.

Наконец, мы втроем сумели забраться на сидения, укрепленные вдоль стены в основном отсеке, и пристегнуть ремни. Сразу стало значительно легче. Я потянулась рукой за кресло и вынула кислородную маску. Знаками показала подругам, что им следует тоже надеть свои. Скрежет и треск вокруг усиливались. Со своей смертью я уже смирилась и лишь из чистого упрямства продолжала выполнять инструкции безопасности. Катю вдруг начало тошнить, Лиза бормотала что-то побелевшими губами.

Я закрыла глаза. Вспомнила нежную улыбку мамы.

Протяжный скрип, будто лист железа разрезали пополам. Подумала о том, как рассердится отец, узнав о моей гибели.

ли.

Грохот по крыше.

– Я забыла Бимбо!

Этот возглас вырвал меня из оцепенения, в которое я уже начала погружаться. Лиза откинула маску, дрожащими руками отстегнула свои ремни и вскочила на ноги.

– Нет! – закричала я, пытаясь схватить ее и вернуть на место, но мои крепления не позволяли дотянуться.

– Он в переноске, в спальном отсеке, – чуть не плакала подруга, – я сбегая за ним и вернусь.

Крик застрял у меня в горле, когда ее фигурка в белой мужской футболке исчезла за дверью. Левую руку больно стиснули. Катя, задыхаясь от ужаса, вцепилась в меня, ее взгляд то и дело перепрыгивал с моего лица туда, где осталась сестра.

Я хотела утешить ее. Соврать, что все будет хорошо.

Но не успела.

Раз – и вместо двери в соседний отсек, где Лиза искала Бимбо, образовалась зияющая дыра.

Два – мимо с оглушительной скоростью начали вылетать наружу все незакрепленные предметы.

Три – меня вдавило в кресло с такой силой, что стало трудно дышать.

Катин крик стоял в ушах.

Я трусливо зажмурилась и сквозь толстую пелену уходящего сознания постепенно перестала что-либо ощущать.

***

Каю очень редко снились сны. Обычно он засыпал сразу, как появлялась возможность, и так же быстро и легко просыпался. Старая многолетняя привычка, от которой не мог, да и не хотел избавляться.

Но иногда в его сновидения все же прорывался странный нашептывающий голосок. Не мужской, не женский и не детский, просто очень тихое, журчащее, как вода по камням, бормотание. Слоги складывались в слова, слова – в предложения, предложения – в целое повествование. Это всегда была одна и та же история. С одинаковым началом и концом. Кай знал ее наизусть и каждый раз пытался проснуться раньше, чтобы не дослушивать до конца. И каждый раз дослушивал...

Голос рассказывал, как на одной из ранее незаселенных людьми планет основали колонию под порядковым наименованием «Терра Нова-23». Несмотря на довольно суровые условия жизни и скудную почву, лишенную растительности, люди с Земли сумели прижиться. Обнаружились залежи драгоценных камней, что гарантировало колонистам процветание. Все новые и новые поселенцы охотно приезжали сюда.

Росли семьи. Развивалась торговля с протурбийцами, хоть инопланетных соседей и побаивались из-за их непривычной внешности: очень плотной желтой кожи и узких вертикаль-

ных зрачков. Ходили слухи, что протурбийцу нельзя долго смотреть в глаза, иначе сойдешь с ума.

Никто не ожидал, что однажды грянет гром. Неизвестно, повлияли ли слухи на связиста, который отвечал за переговоры с «большой землей», или его рассудок помутился от нескольких листьев неизвестного растения, полученного в обмен на бутылку виски. Во всяком случае, торговец выдавал свой товар всего лишь за средство от головной боли.

Тем не менее, через пару дней, ранним утром, когда почти все поселенцы еще спали, связист вошел в рубку, бормоча под нос: «Они все мертвы, они все мертвы», отправил на Землю послание: «Заражение неопознанным вирусом, сто-процентная смертность, рекомендовано прекратить все контакты до выяснения обстоятельств», после чего взорвал себя вместе со всем оборудованием.

Поселенцы были шокированы случившимся, кое-как за-латали повреждения в отсеке подручными материалами и честно отстояли час молчания в память о бедняге. Потеря связи с Землей, конечно, напугала самых слабонервных, но губернатор колонии убеждал: в течение месяца придет очередной корабль с провизией, бояться нечего.

Когда корабль в указанный день не пришел, среди поселенцев случилась первая волна паники. Взломали замки на хранилище с припасами, растащили кто что смог. Возникла драка, пролилась кровь. Бунт сумели подавить, но вернуть украденное – нет. Обсудив на народном собрании пробле-

му, люди пришли к выводу, что им нужно экономнее расходовать остатки еды, ввести карточную систему и терпеливо дожидаться корабля, который наверняка просто задержался по каким-то причинам, а из-за потери связи не смог об этом сообщить.

Через четыре месяца колония представляла собой жалкое зрелище. Среди населения наступил самый настоящий голод. Первыми ослабели дети. Затем слегли и взрослые. Целые семьи вповалку лежали в своих жилых отсеках. Но люди продолжали надеяться на чудесное спасение.

В один из таких дней возле колонии приземлился инопланетный корабль. Губернатор, который с трудом встал с постели, чтобы встретить гостей, удивился, заметив, что на этот раз перед ним не торговцы, а частный звездолет.

Протурбиец, вышедший в сопровождении слуг, надменно взглянул на изможденного человека, едва не падавшего с ног. Знатность визитера выдавали многочисленные одежды, сплетенные из особых растительных волокон. В процессе торговли и общения люди уже успели выучить: чем больше таких одежд накинута на протурбийца, тем более важной персоной он является.

По-хозяйски шагая по отсекам, гость разглядывал ослабевших людей. Кое-где он задерживался, и после короткой беседы некоторые поселенцы покидали свои семьи и выходили наружу, чтобы сесть в инопланетный корабль. Родные тихо плакали им вслед, но не протестовали.

Заглянув в очередной жилой отсек, протурбиец в который раз остановился. Его жуткий магнетический взгляд скользнул по исхудавшему отцу семейства, пробежался по макушкам двух детей-погодок, остановился на женщине с запавшими глазами. Присмотревшись внимательнее, протурбиец отметил отвисшие плоские груди, из которых пытался высосать последние драгоценные капли младенец, и мгновенно потерял интерес к матери. Затем он обернулся к последнему ребенку, мальчику лет восьми, испуганно смотревшему исподлобья.

Указав длинным пальцем, увенчанным острым черным ногтем, протурбиец заговорил на родном языке. Ничего не разобрав среди свистящих и шипящих звуков, мать отложила младенца в кроватку, кинулась к столу, отыскала и включила электронный переводчик, знаками попросила повторить.

С недовольной миной гость уступил просьбе, а аппарат выдал:

– Мешок тис-тиса за детеныша.

Слуги за его спиной тут же втащили и поставили на пороге предмет обмена. У женщины приоткрылся рот. Тис-тис, который выращивали на своих планетах протурбийцы, напоминал чем-то картофель или репу. Его так же можно было варить, жарить и печь. Этот овощ был очень сытным, хоть и не имел вкуса или запаха. На глазах женщины выступили слезы, когда она по очереди переводила взгляд с мужа

на каждого из своих детей. Этой еды им хватило бы на две недели, а при очень экономном расходе, возможно, удалось бы растянуть до месяца. Кто знает, может, тогда корабль с Земли все-таки появится...

Спохватившись, женщина подбежала к шкафу, вынула из него горсть камней, которые ее муж добывал в шахте. В свете лампы искусственного освещения на дрожащей ладони блеснули зеленые, красные и белые искры. Но протурбиец с презрительным видом лишь покачал головой.

– Такого добра полно, – перевел прибор, – тис-тис только за детеныша.

– Возьмите меня! – взмолилась тогда мать. – Я могу готовить, служить в доме, выполнять все, что скажете.

– Дохлая, – отрезал протурбиец, – не нужна. Детеныш живой. Нужен.

– Ребенка не отдам!

Знаком приказав слугам забрать мешок, визитер собрался уйти.

– Стойте!

Мальчик, который все это время следил за происходящим, с непонимающим видом посмотрел на мать в поисках поддержки. Та снова растерянно оглядела семейство. Муж попробовал возмутиться, но она быстро отвернулась от него. В кроватке еле слышно запищал младший. До крови закусив губы, женщина подошла, встала перед мальчиком на колени, пригладила темные завитки отросших за последний месяц

волос.

– Сынок мой, – сквозь слезы заговорила женщина и тут же задохнулась от рыданий. Совладав с собой, она продолжила: – Ты должен пойти с этим дядей, куда он скажет.

– Я не хочу, мама! – испуганно прошептал тот.

– Ты должен, – всхлипнула мать и провела ладонями по лицу ребенка, словно пыталась запомнить каждую черточку. – Только не думай, что я отдаю тебя, потому что не люблю. Я очень люблю тебя. Слышишь, Кай?! Мама очень тебя любит. Но ты – старший, и ты должен помочь мне спасти остальных.

Мальчик перевел взгляд на протурбийца.

– Мама, он страшный...

– Я знаю, – женщина бросилась целовать сына, потом потянулась за его курткой, накинута на плечи, – я знаю, но ты должен быть сильным и смелым, сынок. Ты только выживи. Я обязательно тебя найду. Береги себя. Береги себя, Кай, и я тебя найду! Это ненадолго, обещаю. Только будь осторожен.

Зажав одной рукой рот, другой она подтолкнула сына к протурбийцам. Мальчик послушно сделал несколько шагов, но когда к нему потянулись желтые руки с черными ногтями, в ужасе отпрянул и хотел броситься назад.

– Мама! Я не хочу! Мама!

Женщина отвернулась, ее плечи вздрагивали. Его поймали, скрутили и унесли, оставив на пороге мешок тис-тиса.

На корабле, оказавшись в компании многих знакомых лю-

дей, Кай немного успокоился. Вспомнив наставления матери, он забился в угол и молчал весь полет. Им раздали лепешки, и это тоже немного приободрило мальчика. В последний раз он ел два дня назад. Если страшные существа взяли его, чтобы кормить, то, наверно, мама права, и все не так уж плохо.

На планете, куда привезли Кая, в разгаре была зима. Проваливаясь в снег в легких ботинках, предназначенных для прогулок по станции, он дрожал от холода. Но мама обещала, что скоро заберет его домой, в желудке переваривалась сытная лепешка, а временные неудобства он решил потерпеть. Тот протурбиец, который выменял его, уже не появлялся, вместо него людей окружали другие – в двуслойных одеждах, с громкими хриплыми голосами и злыми взглядами.

Кая и остальных пригнали в горный карьер. Слева возвышалась каменоломня, справа в скале виднелись выдолбленные гrotы. Оказалось, что это и есть новое пристанище землян. Их ожидал тяжелый труд. Мужчинам приказали долбить и откалывать большие куски породы. Те, кто послабее, разбивали глыбы на более мелкие. Дети таскали камни в вагонетки и волокли к погрузчику, который забирал материал и увозил в неизвестном направлении.

Людям объяснили, что каждый должен выполнить определенную норму работы и тогда в конце дня получит еду. Если недовыполнит хотя бы на чуть-чуть – не дадут ниче-

го. Физические наказания не предусматривались, хотя надсмотрщики любили прикрикнуть на особо нерасторопных. Но если кто-то пробовал накинуться на протурбийцев, те не гнушались пускать в ход острые пики, концы которых смазывали ядовитым составом, действующим на нервную систему и вызывающим сильнейшую боль. Пик боялись, а потому надсмотрщиков обходили стороной.

В первую ночь, когда Кай вместе с другими детьми вошел в каменный «мешок» и понял, что ему предстоит спать в лучшем случае на тонкой подстилке, по его лицу потекли слезы. Пока он стоял в нерешительности, более опытные уже занимали удобные места подальше от входа и поближе к разведенному огню. В соседнем гроте в точно таких же условиях располагались взрослые.

– Что застыл, нюня? – грубо толкнул Кая высокий сутулый парень с натруженными руками.

В кулаке мальчика он увидел комок вязкой жевательной субстанции, которую выдали новичкам наравне с теми, кто отработал по нормативу. Резким движением парень выхватил у Кая еду и запихнул себе в рот.

– Отдай! – воскликнул мальчик, но старший только заржал и, дожевывая остатки пищи, пошел дальше искать место для ночлега.

Сообразив, что слезами делу не поможешь, Кай попробовал сунуться к костру, но его вытолкнули вон из круга тепла и света. Закутавшись в куртку, он нашел место у стены,

сполз и уткнулся лицом в колени. Оказалось, что если прижаться к соседу, то станет теплее, и, повинуясь инстинкту, забыв про стеснение, Кай сбился в кучу с другими собратьями по несчастью, чтобы пережить ночь.

Утром проснулись не все. Те, кому не повезло оказаться у самого входа, замерзли. Кай посмотрел на неподвижные фигурки двух мальчиков из родной колонии, и его взгляд стал пустым.

В тот день он усердно работал. С одной стороны, от физических усилий тело согревалось само собой и меньше мучил холод. С другой стороны, к вечеру ужасно хотелось есть, желудок скручивало от боли. Пока Кай стоял в очереди за комком еды, который просто вкладывали в руку на раздаче, мороз вперемешку с ледяным ветром успел пробрать до костей. Усталость валила с ног. Сжимая в ладонке пищу, он брел в укрытие и грел о едва теплый комок озябшие пальцы.

Оказалось, что более расторопные успели занять все хорошие места. Опасное пространство почти у самого выхода оставалось пока свободным. Кай быстро запихнул в рот еду. Он больше не думал о маме, папе или родном доме. Все его мысли были заняты только одной целью, глаза сами собой искали в глубине грота оранжевый огонек костра. Тепло. И еда. Два бога, которым он с этого дня начал фанатично поклоняться.

Сжав кулаки, Кай ворвался в гущу сидящих в середине грота. Его пробовали вытолкнуть. Тогда он принялся отби-

ваться. Пара синяков и разбитая губа не значили ничего по сравнению с опасностью замерзнуть во сне. В конце концов, с ним смирились и оставили греться, но боль в помятых ребрах долго не позволяла сомкнуть глаз.

На третий день в голове Кая возник план. Получив вечером паек, он не стал есть, а поспешил напрямик к костру, где уже укладывались старожилы. Кай вспомнил, как делали протурбийцы, прилетающие в колонию. Он постучал ближайшего парня по плечу, показал еду, осторожно, не протягивая на ладони, а готовясь в любой момент отдернуть руку, и произнес:

– Кусок за место.

Это были его первые слова, сказанные за последние дни. Голос получился чужим и хриплым, как будто Кай ел холодный снег и застудил горло. Его новый торговый партнер с интересом уставился на еду. Глаза блеснули. Пищи работникам карьера всегда не хватало. Наверно, протурбийцы ограничивали паек с умыслом, чтобы стимулировать работать больше за кусок и не лениться. Заодно работал естественный отбор. Слабые умирали, сильные продолжали работать и выживать до тех пор, пока сами не становились слабыми, и на их место приходили другие...

– Да я у тебя его просто так отберу, мелюзга! – вдруг оскалился парень.

Свободной рукой Кай молниеносно выхватил из кармана обломок камня с зазубренными краями. Увидев днем его под

ногами, не мог не порадоваться находке, а вот теперь и применение нашлось.

– Кусок за место, – повторил он.

Парень покосился на оружие мальчика.

– По рукам, – с неохотой проворчал он и подвинулся, выделяя место у огня.

В ту ночь Кая окутывало блаженное тепло. В желудке по-прежнему урчало от голода, но зато снилась мама, и она говорила:

– Я обязательно тебя найду. Обязательно. Только будь осторожен.

В последующие дни Кай выработал целую систему по выживанию. Он не знал, как скоро на этой планете закончится зима, но поставил себе целью дожидаться весны и приезда мамы любой ценой. Почему-то его не оставляло ощущение, что, как только солнце начнет пригревать, его родные прилетят за ним. Поэтому, когда Кай мог терпеть голод, он менял свою еду на место у костра. Когда становилось невмоготу – съедал кусок и кулаками отвоевывал полметра земли в толпе «середнячков». Он делал все возможное, чтобы не оказаться с краю, и постепенно даже начал собой гордиться.

Однажды ему повезло. Пока стояли в вечерней очереди за едой, среди работников вдруг возникла потасовка. Причины Кай не знал, зато заметил комок пищи, выпавший у кого-то под ноги дерущихся. С риском получить травму, Кай бросился на землю, схватил еду и тут же запихнул в рот. Когда

навели порядок и подошла его очередь, Кай получил еще и свою порцию. Он незамедлительно обменял ее на место у костра. Всю ночь в гроте слышалось тихое хныканье мальчика, который, как оказалось, и обронил свою еду в потасовке. Кай лежал на боку, слушал эти звуки и смотрел во тьму ничего не выражающим взглядом. Его желудок был полон, ноги и спину согревало тепло. Он чувствовал себя счастливчиком, которому выпала редкая удача.

Наконец наступила весна. С ее приходом Каю больше не приходилось менять еду на тепло. Он мог спать в середине грота или даже ближе к выходу и не бояться умереть от холода. Вот только мама не прилетела. Когда пришло лето, и адская дневная жара напрочь отбивала аппетит, а за порцию воды хотелось перегрызть соседу горло, Кай вообще перестал разговаривать с окружающими или скучать по дому. Все его мысли занимала одна проблема: скоро снова наступит зима. Он не замечал, как от тяжелой работы лопается кожа на руках или сутулится спина. Если у него и появлялись мечты, так это о том, как стащить у кого-нибудь теплую куртку и закопать ее в укромном месте до наступления холодов.

Через два года Кай мог себе позволить больше не бояться зимы. Внешность протурбийцев тоже перестала казаться устрашающей. По вечерам Кай уверенным шагом заходил в грот и направлялся к своему законному месту у костра. У него не было друзей, он никому не доверял, предпочитал ударить вместо того, чтобы сказать. Он был жив, сыт и очень

осторожен.

Тем временем, в каменоломне начал назревать бунт. Среди последней партии людей, привезенных с различных колоний, нашелся некто, сумевший убедить остальных, что земляне умнее гуманоидов и просто обязаны показать, кто на самом деле здесь хозяин. По ночам Кай продолжал лежать у костра, слушать шепотки вокруг и смотреть в темноту ничего не выражающим взглядом. Его волновали еда и тепло, все остальное оставляло равнодушным. С ним пробовали заговорить, но быстро оставляли в покое.

Революция грянула в тот день, когда владелец каменоломни решил съехать с инспекцией. Кай посмотрел издали на того самого протурбийца, когда-то забравшего его от матери, сжевал лишний кусок еды, выданный всем в качестве бонуса от щедрого господина. Когда в толпе кто-то крикнул: «Бить его!», и ряды сомкнулись вокруг не ожидавших атаки протурбийцев, Кай, пожалуй, единственный остался стоять на своем месте. В ход пошли отравленные пики, первые ряды упали под ноги к напавшим сзади вторым и третьим. Главный протурбиец гневно свистел и щелкал, выкрикивая ругательства.

Пустой взгляд Кая неожиданно просветлел. Он повернулся и спокойно пошел прочь. В пылу драки на него никто не обращал внимания. Пока слуги бежали на помощь хозяину, пока люди схватились в рукопашную с гуманоидами, Кай вышел на дорогу.

Он шел до тех пор, пока мог передвигать ноги. С наезженного пути не сворачивал, потому что опасался лесной чащи. Кай не знал, куда направляется, лишь повиновался порыву. Правда, силы не рассчитал. За годы нахождения в практически замкнутом пространстве позабыл, что такое расстояние.

На рассвете Кай сделал последний шаг и упал. Протурбийская земля пахла приторно-сладко. Он сомкнул веки и вдыхал ее аромат, пока сознание не начало уплывать. Тогда вдруг почувствовал легкое прикосновение к щекам. Такое непривычно нежное, что Кай вздрогнул. Его лицо защекали кончики длинных женских волос, в ухо проник ласковый шепот:

– Открой глаза, сынок. Не сдавайся. Будь сильным. Ты должен выжить. Должен дожидаться меня. Я обязательно заберу тебя отсюда. Открой глаза.

На этом моменте Кай всегда открывал глаза.
Он открыл их и сейчас.

***

Мне снился странный сон.

Будто я лежу, вытянувшись, на спине, а надо мной виднеется купол безоблачного голубого неба. К нему стремятся верхушки темно-зеленых деревьев. Они колышутся на ветру, но самого звука шелестящей листвы не слышно. Вообще

ничего не слышно, поэтому я еще больше убеждаюсь, что плыву в сновидениях.

Земля подо мной холодная и мягкая. Почему-то я уверена, что лежу именно на голой земле, а не на пледе или походном коврике. В голове звенящая пустота. Никак не получается вспомнить, как я тут оказалась и зачем. На грудь словно камень положили, каждый вздох дается с огромным трудом. Руки и ноги тоже придавлены тяжестью. Хочу пошевелиться, но не могу.

Внезапно перед глазами возникает мужское лицо. Кай нависает надо мной, загораживая собой небо, и я с удивлением отмечаю, что он стоит на четвереньках прямо над моим неподвижным телом. Его колени упираются в землю по обе стороны от моих бедер, а руки – от моих плеч. Кай раздет по пояс, как и был в момент, когда мы... я силюсь, но не могу припомнить, когда.

Кай вглядывается в мои глаза, словно пытается уловить в них какой-то знак. Потом открывает мой рот и вкладывает туда листок неизвестного мне растения. Бархатистая поверхность ощущается на языке. С интересом жду, что будет дальше. Кай что-то говорит, его губы шевелятся, брови сходятся на переносице, но так как я не слышу, то и не могу понять, что ему от меня нужно.

Тряхнув головой, Кай вынимает листок и засовывает себе в рот. Сосредоточенно жует, все так же безотрывно глядя мне в глаза. Наклоняется. Мои губы остаются приоткры-

тыми, и я ощущаю легкое прикосновение губ Кая, когда он сплевывает мне на язык пережеванную кашицу из растения. Смоченная его слюной, она скользит дальше к горлу. Машинально сглатываю. Кай с удовлетворением кивает, а я рассеянно думаю о том, какие у него мягкие и теплые губы. Это как-то не вяжется со всем остальным его образом.

Кай смотрит на меня долгим взглядом, а я смотрю на него. В окутавшей меня тишине это выглядит как стоп-кадр немого кино. Потом он с видимым трудом поднимается на ноги и уходит.

***

Очнулась я, действительно, на земле. Приподнялась на локтях, вспоминая последние секунды перед падением. Поляна. На первый взгляд – обычная поляна в лесу. На ее краю возвышался обломок звездолета, похожий на большого головастика, которому отрубили хвост. Бесполезная теперь груда железа, нашедшая последнее пристанище на чужой планете. Длинный, насколько можно было видеть, коридор из сломанных деревьев за ним указывал, что Каю все же удалось при посадке избежать прямого удара о землю.

Дыхание тут же перехватило от нехороших мыслей. Лиза. Катя. Что стало с ними? Все казалось кошмаром, я даже ущипнула себя в надежде, что проснусь, но ничего не изменилось.

– Долго же ты спала, – раздался грубый голос.

Я повернула голову. Бизон собственной персоной, живой и здоровый. Он сидел неподалеку на траве и сосредоточенно обстругивал ножом сломанную ветку. Зеленоватая с белым кора под острым лезвием собиралась в кудрявую стружку, а затем отлетала в сторону. Глядя на толстые пальцы, сжавшие нож, я невольно попыталась отползти подальше. Бизон заметил маневр и недобро ухмыльнулся. Похоже, мой страх ему нравился.

– Чуешь, что двигаться тяжелее? – спросил он будничным тоном. – Сила притяжения больше.

– Чую, – пробормотала я, сообразив, почему сначала не могла пошевелиться.

Тут же вспомнилось видение про Кая. Что это было? Сон? Или явь? Если сон, то кто на самом деле вытащил меня из корабля на поляну? Если явь, то где сам Кай?

– Почему... – я сглотнула, – мы тут только вдвоем?

– И дышать тяжелее, чуешь? – пропустил мой вопрос мимо ушей Бизон и повертел колышек, оценивая острие. – Уровень кислорода другой.

Это, конечно, я тоже чувствовала, хотя такой тяжести в груди, как во время странного то ли оцепенения, то ли сна, уже не ощущалось. Но мне не понравилось, что Бизон ушел от ответа.

– Где остальные? – снова спросила я, стараясь заглушить нарастающую тревогу.

Мой собеседник пожал плечами.

– Все здесь.

Я обвела взглядом поляну и наткнулась лишь на кусты с широкими, темными, мясистыми листьями и мелкими красными цветами.

– Где?

Бизон хмыкнул.

– Да вот они мы. Мы только вдвоем и спаслись. Поэтому... – он многозначительно умолк.

– Что поэтому? – похолодела я.

– Поэтому, – Бизон вдруг резким движением метнул колышек. Острие вонзилось в нескольких сантиметрах от меня, заставив вздрогнуть, – мы теперь с тобой как эти... Адам и Дева.

– Адам и Ева, – поправила я машинально.

Неизвестно, с чего бритоголового потянуло на древние легенды, но он выглядел очень серьезным. Поднялся, отряхнул штаны, вразвалочку подошел ко мне, наклонился, выдернул колышек. Перепачканное в земле острие описало в воздухе дугу и нацелилось мне в горло. Взгляд у Бизона стал таким же, как на корабле: страшным и диким.

– То есть, ты – моя телка, я – твой пахарь, поняла? – процедил он.

Я замерла в одной позе и, кажется, приоткрыла рот. Остаться в живых на незнакомой планете наедине с бритоголовым – хуже не придумаешь. У меня даже не имелось в

запасе времени, чтобы оплакать подруг и обдумать свое новое положение: похоже, прямо в ближайшую секунду Бизон собирался сделать кое-что нехорошее. Это ясно читалось в выражении его лица.

В какой-то момент показалось: он сейчас на меня бросится. Но Бизон вдруг поднял голову, взглянул поверх моей макушки и расплылся в улыбке:

– Привет, кэп.

Я обернулась. Судя по тому, как покачивались ветки за спиной Кая, он только что вышел на поляну из леса. Долго же я спала на самом деле, раз он успел не только одежду себе найти, но и выбраться на прогулку. Появилась надежда, что при виде бритоголового, нацелившего на меня острый кол, Кай заступится или хотя бы сделает замечание, но я жестоко просчиталась. Он просто уставился на нас, будто хотел посмотреть, чем все закончится.

Тем не менее, едва уловимое движение воздуха подсказало, что Бизон отступил. Тогда Кай спокойно двинулся дальше, пересекая поляну по направлению к кораблю. Меня затрясло. Я подскочила, наплевав на все различия в земном притяжении, бросилась наперерез и с размаху толкнула его в грудь.

– Да как ты можешь?! – заорала я в ненавистное лицо что есть силы. – Как ты можешь просто разгуливать тут после того, что сделал?!

Кай сверкнул глазами и быстро отвернул голову к плечу,

предоставив мне любоваться, как играют желваки на его скулах. Он не проронил ни слова и не попробовал защититься, когда я ударила его кулаками в грудь второй раз.

– Ты – убийца! Ты моих подруг убил! Они мертвы из-за тебя! Выродок! Продажный тип! Козел! Эгоистичный хрен!

– Я сделал то, что считал нужным, – отчеканил Кай, продолжая смотреть в сторону.

– То, что считал нужным для себя! Я же просила тебя остановиться! Я же просила... – я шагнула в сторону, поймала его взгляд, пустой и холодный, и внезапно меня осенило: – Тебе все равно?! Тебе все равно! Тебя ничто не волнует, кроме собственной шкуры!

– Знаешь что, белоснежка? – вдруг рявкнул Кай мне в лицо. – Я открою тебе великую тайну. Люди умирают в космосе. Вот так. – Он поднял руку и демонстративно щелкнул пальцами перед моим носом. – И ты тоже умрешь, если будешь цепляться за тех, кто ушел. Особенно на такой планете, как эта, где даже воздух может тебя убить.

Воспользовавшись моей растерянностью, Кай взял инициативу в свои руки и теперь сам начал наступать на меня.

– Будешь много плакать – умрешь. Будешь тратить силы на перепалки со мной – умрешь. Будешь думать хоть о ком-то, кроме себя, – умрешь. Ты поняла меня?! Твоя голова сейчас занята не теми проблемами.

– Прекрати учить меня, как выжить в заднице мира, куда мы попали из-за тебя! – стиснула я кулаки.

– Да ты жива до сих пор только из-за меня! – Кай, тяжело дыша, застыл в нескольких сантиметрах, нависая надо мной.

Это было даже ближе, чем в том видении, когда он задохнулся, заставив проглотить лист растения в мой рот и заставив проглотить. Странные ощущения снова охватили меня. Значит, все-таки не приснилось? Прежде, чем я успела опомниться, Кай добавил уже более спокойным голосом:

– И твоя подруга жива тоже.

– Лиза?! – выдохнула я, мгновенно забыв про злость.

В холодных, как сталь, глазах Кая мелькнуло сожаление. Он покачал головой.

– После такого не выживают.

– Значит, Катя... – я огляделась, но по-прежнему заметила на поляне лишь Бизона, который присел обратно на траву и продолжил затачивать деревяшку. – Где она?

– Там, – кивком головы Кай указал в сторону корабля, обогнул меня и продолжил путь.

– Кэп почему-то считает, что ты нам еще пригодишься в будущем, – плюнул в сторонку и заговорил Бизон, пока я в нерешительности топталась на месте и наблюдала, как Кай ловко забирается в обломки звездолета. – Столько с тобой возился, пока ты хрипела тут на траве. А я вот считаю, что ты скоро загнешься. Поэтому давай не будем тратить время зря и доставим друг другу удовольствие напоследок, а?

На миг мне показалось, что ослышалась. Я хрипела?! Ничего подобного не помню... хотя... могло быть так, что про-

сто не слышала собственных хрипов, как и не смогла разобрать, что говорил мне Кай тогда?

Раздираемая сомнениями, я снова посмотрела туда, куда он ушел. Бизон расценил мой взгляд по-своему.

– Он нам не помешает, если поймет, что ты сама не прочь, – с гадкой улыбочкой произнес бритоголовый.

– Зачем ты меня обманул? – поежилась я. – Зачем сказал, что спаслись только мы?

Продолжая ухмыляться, Бизон пожал плечами.

– Думал, кэп погуляет подольше...

Я представила, чем все могло бы закончиться, и невольно попятилась. Потом повернулась и чуть ли не бегом бросилась к звездолету. Будто инстинкт толкнул в спину и подсказал: надо держаться ближе к Каю, из двоих парней именно с ним безопаснее. По крайней мере, он не пытался поймать меня ни силой, ни обманом.

Нырнув под свисавший кусок обшивки, я переступила через какие-то шланги, дохлыми змеями раскинувшиеся под ногами, и оказалась внутри. Здесь словно ураган прошел. Осколки, обломки, детали мебели – все валялось вперемешку, не уцелело практически ничего. Пришлось передвигаться очень осторожно. Где-то дальше в недрах корабля слышались шаги Кая. Несмотря на полутьму, я разглядела нечто, похожее на мумию, аккуратно уложенную вдоль стены, и упала на колени возле нее.

– Катя!

Закусив губу, дрожащими руками я отвела темные и растрепанные, как пакля, волосы от лица подруги. На ее скуле наливался синяк, глаза были закрыты. Я обратила внимание, что кто-то набросил сверху мужскую куртку и очень предупредительно оставил пострадавшую здесь, в своеобразном укрытии.

– Катя, очнись! – взмолилась я.

Подруга слабо простонала что-то, но так и не подняла веки. Кай сказал, что она жива. Вот только предупредить забыл, в каком состоянии.

– Я сделал все, что мог.

Я вскинула голову. Кай возвышался над нами, держа в руках ворох какого-то барахла. Я быстро отвернулась, хотя в полутьме он вряд ли сумел бы разглядеть слезы у меня на глазах.

– Что с ней?

– Я не знаю. Я не врач, – отрезал Кай. – Но догадываюсь, что в твою подругу что-то врезалось во время крушения. Мне кажется, причина ее состояния в этом.

Я спрятала лицо в ладонях, заново переживая весь ужас падения. Когда от звездолета оторвался кусок и все стало происходить в мгновение ока, мимо пролетали какие-то вещи. Возможно, что-то тяжелое и ударило Катю, так как она, получается, закрывала меня собой... она же закричала, а я тогда подумала, что от страха...

– Ты же знаешь, как лечить людей, – глухо пробормотала

я, оставаясь к Каю спиной, – ты засунул мне какой-то листик в рот, когда я задышалась.

– Это все, что я знаю, белоснежка. Немного разбираюсь в местных растениях, вот и все. То, что я нашел, протурбийцы применяют при астме, чтобы помочь работе легких. Это помогло и тебе адаптироваться к местной атмосфере. Тебе просто повезло, что я это знал, и что это растет здесь. Тяжелые повреждения определять и лечить я не умею.

Меня раздирали противоречивые чувства. Кай спас меня, сделал все возможное для Кати, но... не соверши он прыжок в гиперпространство, мы все были бы живы и здоровы! Поэтому если у меня на языке и вертелись слова благодарности, я предпочла их проглотить и вместо этого бросила:

– Скажи, что ты знаешь, как нам выбраться отсюда домой. Кате нужен врач!

Кай ответил не сразу. Когда заговорил, уже по тону я догадалась, что он колебался, вселять ли в меня надежду или ответить правду, а затем выбрал последнее.

– Я знаю, как нам протянуть до следующего утра. Учитывая обстоятельства, это уже неплохо.

Я ничего не возразила, показывая, что больше не хочу продолжать этот разговор, и Кай может убираться на все четыре стороны. Протянуть до следующего утра! И он говорит это так, будто готовится записать достижение в книгу рекордов!

Внезапно Кай отбросил свое барахло, наклонился, под-

хватил меня за локоть, рывком заставил подняться на ноги и повернул к себе. Я с непониманием захлопала ресницами.

– И ты мне сделаешь большое одолжение, белоснежка, – с неожиданной злостью процедил он, – если сейчас поищешь, что бы такое на себя надеть, чтобы меньше выглядеть, как девчонка, и будешь меньше открывать рот, чтобы пореже о своем присутствии напоминать.

– Что плохого в том, что я – девчонка?! – растерялась я.

Кай с раздражением выдохнул, будто я оказалась такой тупой, что не понимаю очевидного.

– Потому что по моим подсчетам мы не выберемся отсюда ни завтра, ни послезавтра. Разве что в кустах притаился новехонький звездолет для нас, но ты сама понимаешь, каковы шансы на это чудо.

– И что? – вздернула я подбородок.

– А то, что мы больше не сможем жить, как ты привыкла. Ты больше не девочка в жилеточке престижного университета, которая может чувствовать себя в полной безопасности, даже когда решает ввязаться в небольшие приключения.

– Отпусти меня! – возмутилась я, но Кай продолжал крепко удерживать мою руку.

– Ты здесь – добыча, белоснежка. Для меня и Бизона. Один из нас должен получить тебя, потому что когда нет законов, остаются только инстинкты.

– Что ты несешь! – теперь мне снова стало страшно.

Кай без остановки бросал мне в лицо безжалостные слова.

– Рано или поздно Бизон захочет убить меня из-за тебя. Он уже этого хочет, но прошло слишком мало времени, еще не осмелел. Вот только я умирать не собираюсь.

– Отлично, – фыркнула я, – а я не собираюсь считать себя чьей-то добычей.

Кай тряхнул меня, заставив замолчать.

– Бизон мне нужен. Он – сильный и долго протянет без еды. Лишние руки мне не помешают, когда придется охотиться или обороняться.

– Так вот как ты оцениваешь людей? С позиции кто больше тебе нужен и кто дольше без еды протянет?! – зашипела я. – Как же это мерзко! Отпусти меня! Не трогай!

– Ты не слушаешь меня, белоснежка! Не заставляй меня убивать Бизона из-за тебя. Потому что этот выбор – не в твою пользу. По всем законам логики я должен выбрать его.

– Поэтому ты не стал за меня заступаться, когда вышел из леса и увидел нас! – догадалась я. – Заметил, что он в меня острой деревяшкой тычет, но промолчал.

Кай, наконец, отпустил мою руку и принялся собирать вещи, которые выронил.

– Я остановил его. По-своему. Нет времени тебе что-то объяснять. Но пойми, чем чаще мне придется это делать, тем больше Бизон будет видеть во мне соперника, – Кай выпрямился и смерил меня взглядом, – даже если на самом деле это не так. Поэтому вопрос его нападения – лишь дело времени. Разве что ты сегодня же дашь ему то, что он хочет.

Тогда все разрешится миром.

Я сглотнула, представив такую перспективу.

– Так я и думал, – усмехнулся Кай.

– Почему ты ждешь, что он обязательно нападет? – с сомнением поинтересовалась я. – Сам же только что заметил, что ты ему в соперники не набиваешься.

– Потому что я знаю, белоснежка, – уже на ходу бросил он. – Потому что как только мы более-менее обустроим себе тут жизнь, один из нас станет третьим лишним. Чем больше у меня будет времени к этому подготовиться – тем лучше.

– А что ж ты третьего из вашей шайки в расчет не берешь? – в отчаянии крикнула вдогонку я, вспомнив о долговязом парне.

– Он не выжил.

Шаги Кая стихли, а я снова опустилась на колени возле Кати. Осторожно поправила на ней куртку, проглотила злые слезы.

– Ничего... – я погладила подругу по голове, – ты поправишься... по крайней мере, тебе не придется быть поделенной между двумя неприятными типами, один из которых и в дележке-то участвовать не хочет. А когда очнешься, мы уже будем лететь домой...

Я утешала ее, а сама чувствовала, что слова Кая что-то сломали во мне. Возможно, такого эффекта он и добивался, но теперь меня каждую секунду преследовало ощущение опасности. Мы должны были сплотиться, держаться вместе,

но в компании с Бизоном на это не стоило рассчитывать. Наверно, об этом Кай и хотел сказать. Что ж, а мне, пожалуй, не надо доверять никому из них. Если бы Катя не пострадала, мы бы объединились с ней, и стало бы полегче, но пока она только цеплялась за жизнь, я решила вести себя осторожнее.

Поэтому последовала совету Кая. Начала рыскать по звездолету в поисках вещей. К сожалению, мои сумки и вся сменная одежда исчезли вместе с хвостовой частью, а сама я осталась в том же, в чем вскочила с постели – в удобных хлопковых брюках и кофте. Неизвестно, что такого порочного углядели в моем облачении Кай на пару с Бизоном, это была обычная одежда для дома. Пока я ползала среди обломков, слышала еще чьи-то шаги внутри звездолета и пару раз замирала при мысли, что бритоголовый пришел за мной. Правда, никто меня так и не обнаружил.

В любой момент я боялась наткнуться на тело долговязого, но, похоже, его куда-то убрали, остались только неприятные пятна на полу в рубке управления. Наконец, мне удалось найти чью-то поношенную рабочую куртку на два размера больше. Я закуталась в нее, заплела волосы в узел на затылке. Зеркала поблизости не нашлось, но и без него я не сомневалась, что выгляжу чудовищно. Кай должен быть доволен.

На обратном пути я опять проверила, не очнулась ли Катя, и выбралась наружу посмотреть, чем заняты остальные. Оказалось, что парни пакует вещи. В траве валялся оранжевый пожарный топорик, несколько ножей, брезент, еще

какая-то мелочь, которую, очевидно, натаскали из звездолета. Кай изучал прибор, похожий на полукруг. Потухший экран пересекала трещина. Бизон усердно запихивал в рюкзак большой кусок полотна. Я осторожно приблизилась.

– Куда это вы?

– Куда это «мы», – поправил Кай, не отвлекаясь от занятия. – Собирай все, что можешь унести, белоснежка. Мы уходим.

– Уходим?! – похолодела я. – Но... там же Катя лежит! Она не может идти!

– Она и не пойдет, – вставил Бизон и поковырялся в зубах, поглядывая на меня снизу вверх.

– Я тогда тоже не пойду, – затрясла я головой. – Вот так вы значит? Слить ее решили? Бросить здесь умирать?!

– Она и так умрет, – тихо произнес Кай.

– Она не умрет, – возмутилась я, – ей просто надо больше времени, чтобы очнуться. Я буду за ней ухаживать.

Парни переглянулись.

– У нас нет воды, – начал терпеливо объяснять Кай, – и еды. Все наши запасы были в хвостовом отсеке, который сейчас где-то вон там.

Я проследила за его рукой в направлении леса. За верхушками деревьев просматривалась вершина двугорбой горы.

– Я успел заметить, куда примерно рухнула хвостовая часть, – сообщил Кай. – Хороший ориентир.

– Там Лиза... – вырвалось у меня невольно.

– И второй сигнальный маяк, – добавил Кай и продемонстрировал мне разбитый прибор, – этот уже не реанимировать.

– Думаешь, там что-то уцелело? – я снова покосилась на гору.

– Не знаю. Если маяк работает – это наш шанс попросить о помощи, – он вдруг усмехнулся. – Хотя вряд ли кто-то прилетит на планету с такой степенью карантина, как Н-17. Но попытаться можно, если больше заняться нечем.

– А из-за чего здесь карантин? – спохватилась я. – Он, правда, опасен? Мы уже заражены?

– Скорее всего, – мрачно хохотнул Бизон, дергая застежку рюкзака, – пузырьчатая болезнь, как говорят, распространяется и по воздуху, и воде. Приставучая зараза.

– Пузырчатая болезнь? – я перевела взгляд на Кая.

Он недовольно поморщился.

– Говорят, все начинается с лихорадки. Затем кожа вздувается пузырями по всему телу. Они растут все больше, пока не покрывают полностью, и заболевший превращается в один сплошной очаг пузырей. Протурбийцы страшно боятся пузырьчатой болезни, потому что даже у них нет лекарства от нее.

Я задумчиво кивнула. В университете нам рассказывали, что синтетические лекарства землян оказались менее эффективны, чем натуральные вытяжки из растений у соседей по космосу, и если уж те посчитали какую-то болезнь страш-

ной и неизлечимой, то шутки плохи.

– Думаешь, мы успели подхватить эту болезнь? – прошептала я, почувствовав, как дрожат колени.

Кай развел руками.

– Мы пока только дышали воздухом. Учитывая, что при падении наделали шуму, а посмотреть на нас никто до сих пор не явился, можно предположить, что наверняка местные жители давно умерли. Возможно, и вирус выродился без своих носителей.

– Но возможно и нет...

– Да, белоснежка, – не стал спорить Кай, – возможно, он уже в нас и ждет своего часа.

– Это называется «инкубационный период», – пробормотала я.

– Да плевать, как это называется, – фыркнул Бизон, – важно с умом распорядиться оставшимся временем.

Он подмигнул мне. Я предпочла отвернуться.

– Так как у нас нет своих запасов, – продолжил Кай, – нам все равно придется пить воду, которую найдем, и есть то, что соберем и поймаем. Но предлагаю не паниковать раньше времени и отталкиваться от версии, что мы пока не заражены. Воды, правда, поблизости нет. Животных я тоже не встретил, пока делал обход. Съедобных растений не нашел, а наугад есть что-то не советую. На планетах протурбийцев растет очень много в малых дозах лечебного, в больших – ядовитого.

Я только покачала головой. Хотя Кай и пытался унять панику, но она все равно поднималась внутри меня. Мы в лесу, но вокруг нет животных! Что это могло бы означать? В моем понимании лишь одно – мы находились в мертвой зоне. Пузырчатая болезнь убила все живое, за исключением растительности. Теперь понятно, почему Бизон в лицо говорил мне, что долго не протяну. Похоже, он и сам не надеялся на чудо, а напоследок решил пожить на полную катушку, в его собственном понимании, естественно.

– Что нам теперь делать... – протянула я.

– Прежде всего, найти воду, – отрезал Кай. – Я смог залезть на дерево. Кажется, в том направлении, – он махнул в сторону горы, – есть низина. Там должна быть река. Но путь может занять полдня, а может и день. Притяжение здесь сильнее, идти будет трудней, быстрее потратятся силы. Поэтому нам важно как можно скорее двинуться с места. Пока мы еще не истощены голодом и жаждой.

– Я уже сказала, что не брошу Катю, – опустила я голову.

Кай схватил меня за плечи и заставил посмотреть ему в глаза.

– Послушай, белоснежка. Я скажу еще раз и прямым текстом, раз ты не понимаешь. Твоя подруга не выживет. Она слаба. Слабые умирают. Мы не можем позволить себе ждать, чем все закончится, лишь бы успокоить твою совесть.

Внезапно меня осенило.

– Мы можем взять ее с собой.

Кай нахмурился. Его заметно бесило мое упрямство.

– И кто ее понесет? А? Я или Бизон? Даже если нам вдруг придет в голову тратить на это силы, мы будем передвигаться слишком медленно.

– Можно же сделать носилки из веток, – взмолилась я. – Так будет удобнее. Я тоже буду нести. Будем делать это по очереди.

– Пока мы будем делать носилки, потеряем время. Наступит ночь, а в темноте мы точно не двинемся по незнакомой местности. Придется ждать до утра, – набросился он на меня. – В то время как где-то там лежат наши припасы и ждут, кто же их подберет. А если вокруг бродит кто-то из аборигенов, то их подберут очень быстро. И тогда еда, которой нам хватило бы на несколько месяцев, уйдет к другим. Ты этого хочешь, а, белоснежка?!

Я мысленно призвала на помощь все свое терпение. Каждый раз, когда приходилось разговаривать с Каем, наше общение заканчивалось на повышенных тонах. А теперь мы находились в одной лодке, и не общаться просто не получалось. Но нервы-то не железные! Особенно, рядом с такими, как он и его полубезумный приятель.

– Припасы?! – фыркнула я. – А ты не забыл, что помимо припасов там еще и Лиза есть? Между прочим, девушка, с которой у тебя была якобы любовь. О ней ты почему-то не вспоминаешь!

Лицо у Кая стало каменным. Он стиснул челюсти и при-

щурил глаза.

– Но мне почему-то кажется, – продолжила с презрением я, – что ты уже забыл о ней, потому что просто использовал ее. Она для тебя такая же вещь, как мы все, поделенные на категории в зависимости от важности и нужности. А все, что волнует тебя на самом деле, это твои драгоценные припасы, а еще твой груз. Уж не из-за него ли ты так торопишь нас сняться с места? Боишься, что водку твою растаскают? Если, конечно, там что-то уцелело. Но раз ты стремишься туда, несмотря ни на что, значит, уцелело.

– А что плохого в моих желаниях? – процедил Кай сквозь зубы. – Ты готова терпеть сутками без воды и еды?! Ты, вообще, знаешь, что это такое?! Ты хоть раз добывала ее иначе, чем из холодильника?! Когда ты поймешь, что сказка закончилась, будет уже поздно. За нами никто не прилетит на планету с карантинном! Поверь, я знаю, о чем говорю. Мы можем подбадривать друг друга этой легендой, просто чтобы веселее было идти. Но никто не прилетит. И если я заставляю тебя бросить подругу, то делаю это для твоего же блага!

– Ох, вот не надо сваливать на меня порывы своей мелочной душонки! – рявкнула я в ответ. – Я не такая дура, как ты думаешь, и понимаю, что все плохо. Но я не брошу Катю! Не брошу! Ты бы сам хотел, чтобы с тобой так поступили? Чтобы бросили тебя, посчитав слабым? – Со злости я ткнула Кая в грудь указательным пальцем. – И знаешь что, я бы даже тебя не бросила. Каким бы скотиной ты ни был, я бы точ-

но так же боролась и за тебя. Потому что каждому в трудную минуту нужен друг, который останется рядом. И мне тебя искренне жаль, раз ты не знаешь о подобном.

Выпалив гневную речь, я с вызовом уставилась в глаза Кая. Ожидала, что он опять начнет говорить мне гадости или запугивать еще больше. Но он молчал. Просто застыл с таким видом, будто узрел впервые. Взгляд беспорядочно метался по моему лицу.

Это длилось несколько мгновений. Потом Кай повернул голову к Бизону, все это время наблюдавшему за перепалкой.

– Мы остаемся, – глухо произнес он, – возьми топор. Пойдешь со мной, нарубим веток для носилок и попробуем отыскать что-то поесть.

– Но... – нахмурился бритоголовый.

– Мы остаемся, – перебил его Кай тоном, не терпящим возражений, – до утра.

***

Остаток дня я старалась не попадаться парням на глаза. Забралась в звездолет и сидела там, прислушиваясь к звукам, доносившимся извне, и ровному дыханию подруги. Бизон и Кай вернулись с ветками для носилок и дровами для костра. Я слышала, как они возились, разводя огонь, и изредка перекидывались короткими фразами. Все, что удалось

понять – Бизон очень недоволен решением кэпа, а тот и сам не скрывает, что не в восторге от сложившейся ситуации.

– Ничего, – шептала я, поглаживая безмолвную Катю по волосам, пока Бизон твердил: «Да мы все тут загнемся без жарчки», а Кай отвечал: «Без тебя знаю», – ничего, он же уступил моей просьбе. Значит, в нем осталось еще что-то человеческое.

Если бы Катя в тот момент открыла глаза, она бы наверняка в своей скептической манере сказала: «Ты, главное, не нарывайся больше, чтобы не передумал, а еще лучше – «спасибо» скажи». Поблагодарить Кая я никак не решалась, но вот воображаемому совету «не нарываться» охотно последовала.

Из обрывков разговора узнала, что еды они так и не нашли. В моем желудке чувствовался легкий дискомфорт от голода, но пережитые волнения отбивали аппетит, и вынужденная диета казалась меньшим из зол. По крайней мере, не таким страшным, как пережитое падение, угроза пузырьчатой болезни или притязания Бизона на мое тело.

С наступлением сумерек ощутимо похолодало. Сырой воздух начал проникать под свисающую обшивку и забираться в гнездо, которое я свила для себя и Кати на ночь. Где-то снаружи весело потрескивающий огонь наверняка рассеивал мрак и холод, а тут, внутри, температура стремительно понижалась. Но к костру я не пошла. Во-первых, не хотела оставлять Катю одну в темноте и сырости. Во-вторых, слова

Кая продолжали звучать в ушах. Ночь, двое парней, а я одна. Я догадывалась, что Кай неспроста взял Бизона с собой в лес и продолжал весь вечер держать под боком, чтобы тот не полез ко мне. Но от бритоголового в любую секунду можно было ожидать чего угодно.

Я легла на бок возле подруги, вздрагивая от каждого шороха. Только теперь поняла, что за весь день не поревела, как следует. Злилась на Кая, вздрагивала от плотоядных взглядов Бизона, переживала за Катю, с тревогой думала о судьбе Лизы. Может, стоило поплакать хоть сейчас? Я зажмурилась, пытаюсь представить, что в этот момент могла бы уже сидеть с мамой на диванчике в их с Виталиком гостиной, обсуждать прошедший учебный год и обмениваться сплетнями...

Долгожданная влага выступила под веками. Я всхлипнула, шмыгнула носом, по опыту зная, что сейчас этот поток неудержимо хлынет, нужно лишь поддерживать соответствующий настрой. Но тут перед глазами, откуда ни возмись, появилось лицо Кая, который безжалостно твердил мне:

– Будешь много плакать – умрешь, белоснежка!

Все слезы разом высохли. Я скрипнула зубами. Вот гад, это надо же так меня настроить, что и пореветь всласть теперь не удастся! Ничего, порыдаю от души на корабле, который будет уносить меня с этой проклятой планеты подальше от пережитых кошмаров. Так все и случится. Я даже кивнула в ответ на свои мысли. Люди всегда плачут от воспоминаний, от кошмаров, происходивших с ними в прошлом. А

пока можно потерпеть и не рыдать. Весь секрет в том, чтобы не допускать пессимистичных мыслей. Я обязательно увижу маму и, так и быть, помирюсь с отцом. Но для этого мне надо отсюда выбраться. И я выберусь. И буду много плакать. От радости. Да.

Незаметно для самой себя я уснула. Из объятий сна, в котором мама крепко-накрепко обнимала меня и твердила, что все будет хорошо, вырвал протяжный стон. Я резко села, вглядываясь в ночную тьму. Показалось, что это Бизон пришел по мою душу.

Стон повторился. Он исходил из губ Кати. Во мраке я не видела ее лица, поэтому как слепая постаралась ощупать ее черты, чтобы понять выражение. Подруга морщилась и постанывала, кроме того, начала шевелиться.

– Кать! – позвала я. – Что с тобой? Что-то болит? Ты кушать хочешь? Ты меня слышишь?

Но она продолжала стонать, с каждым разом все громче.

– Ш-ш-ш! – я приложила пальцы к ее горячим пересохшим губам. – Нас могут услышать! Я не хочу, чтобы Бизон сюда пришел посмотреть, что происходит. Нам нельзя, чтобы он приходил. Я очень старалась, чтобы он забыл о нас на сегодня. Ш-ш-ш!

Катя не успокаивалась, но я уже успела заметить, что она дрожит. Меня осенило. Ей холодно?! Мне, конечно, тоже было не жарко, но я хотя бы могла свернуться клубком, поджать ноги и обхватить себя руками, чтобы удержать тепло, а

травмы подруги не позволяли ей даже повернуться на бок. Я поторопилась поправить сползшую с Кати куртку, ощупала ее ноги – они оставались неприкрытыми. Недолго думая, я стащила с себя верхнюю одежду, которую отыскала в звездолете. Нагретая моим телом, просторная, она как раз подошла в качестве второго одеяла для замерзших конечностей подруги.

Дыхание Кати тут же стало ровнее. Стоны прекратились, дрожь унялась. Она снова погрузилась в забытие, из которого никак не могла вырваться.

Только вот теперь холод протянул свои обжигающие пальцы ко мне. Тонкая одежда для дома не могла согреть. Я свернулась калачиком, нахохлилась, но с каждой минутой замерзала все сильнее. Даже зубы начали стучать. Ни о каком сне больше не могло быть и речи. Я мечтала о вязаном пледе, а лучше – просторной меховой шубе, в которую могла бы укутаться с головой. Такой мягкой шубе, с длинным щеко-чущим ворсом, согревающей с самой первой секунды.

В какой-то момент поняла, что больше не выдержу. Кажется, все тело превратилось в лед, а холод, как опытный палач, делал попытки все более изощренными. Дыхание, которым пыталась греть озябшие пальцы, влажными каплями оседало на коже. Повинуясь внутреннему порыву, я села, а потом поднялась на ноги. Выставив перед собой руки, пробралась к выходу из звездолета и пролезла под куском обшивки.

Костер превратился в темно-красный холмик пылающих углей. Ноги сами понесли меня туда. Отступили все прочие страхи, даже не пугала мощная фигура бритоголового, который намотал на себя кучу тряпок и, похоже, мирно спал у огня. Во всяком случае, в неясных всполохах угасающего костра я разглядела, что его глаза закрыты. Кай тоже лежал на боку, спиной ко мне. Подкрадываясь на цыпочках, я старалась не стучать зубами громко, чтобы не разбудить их. Мне ведь требовалось немного – просто погреться и незаметно уйти обратно.

Приметив свободное место между парнями, я упала на колени и с трудом сдержала стон, когда протянула руки над волной тепла, исходявшей от углей. От резких приятных ощущений мурашки пошли по коже, я выдохнула и закрыла глаза. Это было сродни... оргазму. Да, никогда бы не подумала, что могу получать такое удовольствие, просто согреваясь. Глубоко дыша, я склонилась над кострищем, вбирая блаженное тепло каждой клеточкой тела. Весь остальной мир перестал существовать, все мое сознание сконцентрировалось на ощущениях. Я откинула назад голову, подала вперед грудь, чуть повернулась одной стороной, потом другой. Постепенно щеки начали гореть от жара, зато спина продолжала мерзнуть от холодного воздуха, и я пожалела, что не могу придумать такую позу, чтобы извернуться и прогреться полностью. Дымок, поднимавшийся от углей, пах смолой. Открыв рот, я дышала им полной грудью. Казалось, он наполняет и

раскрывает мои легкие, согревая меня не только снаружи, но и изнутри. Затем подумалось, что теперь пропахнут волосы и одежда, и я улыбнулась, сообразив, что раз начинаю беспокоиться о подобном – значит, все-таки согрелась. В конце концов, ну кто меня тут будет нюхать? Бизон? Так мне же лучше, если буду вонять чем-нибудь несъедобным.

Опомнившись, что засиделась слишком долго, я открыла глаза... и вздрогнула. Кай, подложив под голову согнутую в локте руку, не мигая смотрел на меня. В полутьме его зрачки расширились и, казалось, полностью затмили собой радужку. Он вбирал в себя мой вид так, как я пару мгновений назад впитывала тепло костра.

Я напряглась, ожидая худшего, но, приглядевшись, поняла, что в его взгляде нет похоти. Там ничего не было. Никаких чувств и эмоций. Только понимание. Словно он прекрасно знал, что я испытывала. Эту телесную ломку, когда ноги сами собой тянут поближе к теплу, даже если разум твердит об опасности. Эту дрожь предвкушения. И этот оргазм, наслаждение от удовлетворения самой примитивной потребности, был знаком ему тоже.

Мои щеки запылали. Под взглядом Кая я почувствовала себя так, будто поделила с ним интимный обряд посвящения. Словно мы оба стояли обнаженными друг перед другом. Хотя, в каком-то роде, наверное, так и было. Я обнажила свои инстинкты, а он беззастенчиво за этим наблюдал. И не пытался скрыть, что сам тысячу раз так же сбрасывал с

себя личину человечности ради превращения в примитивное существо.

Это меня отрезвило. Я вскочила на ноги. Веки Кая дрогнули, когда его взгляд переместился следом за мной, но сам он не пошевелился и ничего не сказал. Хочет показать, что не представляет для меня опасности, и предлагает остаться и греться дальше? Я тряхнула головой, пытаюсь разорвать связующую нить, через которую между нами установилось странное понимание. Мы пока что люди и не должны разговаривать на языке инстинктов. В конце концов, он мог бы открыть рот и сказать что-то вроде: «Не бойся», если бы захотел, а не смотреть вот так, немигающим взглядом.

Стоило сделать пару шагов от костра, как холод с радостью принял меня в свои объятия. Я буквально чувствовала, как тепло покидает мое тело, испаряется с кожи. Но вернуться обратно в круг света, пока Кай продолжал смотреть, не хотела. Поэтому пошла к звездолету. Хватит, погрелась. От перепада температур неожиданно потянуло в туалет, и, передумав на полпути, я свернула в сторону деревьев. На всякий случай оглянулась – но за мной никто не шел.

Заходить с более-менее освещенной поляны в непроглядную лесную тьму было страшно, но стеснение взяло свое. Если бы присела прямо с краю, любой из парней мог бы повернуться и заметить. Похрустывая ветками, я упрямо продра-лась подальше.

– Бабайка не съест, домовый не утащит, – начала шептать я

старую детскую поговорку, которую твердила раньше, когда ночью боялась встать с постели.

Пахло мхом. Что-то пощелкивало. Шершавые стволы деревьев то и дело попадались на пути. Впереди показался просвет. Ветви расступились, и здесь хотя бы было видно, куда поставить ногу. Я замерла и огляделась. Сердце бешено колотилось, а дыхание ураганным ветром свистело в собственных ушах. Вокруг никого.

– Ай, бабайка не съест, домовой не утащит! – жалобно пропищала я и принялась стаскивать с себя штаны.

С рекордной скоростью управившись с делами, тут же оделась обратно. Выдохнула с облегчением. Вот это меня судьба закинула, что поход в туалет по ощущениям сравним с квестом на выживание. Кай же сказал, что вокруг нет ни единой души, а папа вообще всегда говорил, что в эру освоения космоса в мифических бабаек и привидений людям верить просто стыдно.

Подняв внутри градус храбрости, я более уверенно преодолела путь к звездолету, но едва не заорала, когда вышла на поляну и наткнулась на темный силуэт.

– Кай?! – я схватилась за сердце, когда разглядела его фигуру. – Ты меня напугал.

– В следующий раз не ходи одна.

– А если мне по личным делам надо? – возразила я, хоть и понимала в чем-то его правоту. – Должно же быть у человека личное пространство!

– Не ходи. Опасно.

С этими словами Кай подступил ближе. Я с удивлением увидела, как он медленно тянет застежку своей куртки, а потом стаскивает ее с плеч.

– Куда свою одежду дела?

– Кате отдала... – я вздрогнула, когда теплая ткань окутала тело, и едва успела подхватить края куртки, чтобы та не упала, потому что Кай слишком быстро отдернул руки, коснувшись меня. – Ей было холодно... она стонала...

– Глупая ты, – он сказал это без прежней злобы, – она все равно умрет. Тебе надо думать о себе.

– Пожалуйста, не надо... – прошептала я. – Не надо сейчас... опять это говорить...

Просовывая руки в рукава одежды, я злилась на себя за слабость. Что не могла с гордым видом вернуть куртку обратно и сказать, что мне ничего не надо. Что мне очень хотелось жить, а Кай все больше становился для меня источником жизни. Я боялась, что не смогу оторваться, если привыкну пить из него. Ведь уже не удержалась, чтобы не согреться, когда Кай позволил мне это.

Ведь знала же, что потом буду чувствовать себя обязанной ему, а после того, какой он видел меня у костра, еще возомнит, чего доброго, что хочет меня так же, как Бизон. А я и так ему уже обязана, что жизнь мне спас и Катю согласился не бросать. И самое страшное, что из-за этих поступков он не казался мне таким противным, как раньше. Резким, без-

жалостным – да. Упертым в своих убеждениях – очень даже. Мелочным – пожалуй. Но у него теплые губы. И в нем осталось что-то человеческое...

– Так лучше? – тихо спросил Кай, пока я дрожащими руками тянула вверх застежку до самого горла.

– Д-да... – я оглядела его. – А как же ты? З-зачем отдаешь мне свою одежду, если сам говоришь, что это глупо? Не боишься холода?

Кай ответил не сразу. Помолчав, он поднял голову к небу. Свет упал на его лицо, я разглядела на щеках проступившие ямочки. Он улыбался. Ледяной улыбкой, лишенной настоящего тепла.

– Видишь вон ту звезду, белоснежка? Красноватую точку, отдельно от других на небосклоне?

Я проследила взглядом и невольно ахнула. Сколько же на протурбийском небе звезд! Они складывались в причудливые узоры, незнакомые мне созвездия и просто походили на рассыпанный по черной ткани мерцающий горох. Красную точку я отыскивала после пары минут напряженного блуждания взглядом.

– Это Сшат-Ацхала, – продолжил Кай, – мать всех звезд, как называют ее протурбийцы. Они верят, что именно с нее когда-то началось создание всей их галактики.

– Ты хорошо произносишь название по-протурбийски, – я невольно снова посмотрела на его спокойное лицо, – почти как они. Мы в университете только начали изучать их

язык... произношение для меня большая тема. Часто общаешься с ними, да? Ты ведь от них узнал и про то, какие растения лечат?

– Я жил на одной из их планет какое-то время.

– Долго?

– Несколько лет.

– Это, наверно, было интересно. Расскажешь?

– Нет.

Я нахохлилась. Ну вот, только любопытство раздражил.

– Зачем тогда начал мне вещать тут про звезды? – проворчала я.

Кай перевел взгляд на меня.

– Ты спросила про холод, и я вспомнил про Сшат-Ацхалу. Все звезды белые, а она – красная. Когда холодно, можно представлять, что она – костер, который горит на небе и согревает. Это помогает, если нет настоящего огня, – он еще немного помолчал и добавил: – Только пока что еще не так холодно. Я не замерзну без куртки. Ты – слабая. Замерзнешь.

Я покачала головой.

– Я не слабая. Ты меня не знаешь. Мой папа говорил, что когда есть внутренний огонь, другого и не надо. Он тоже, знаешь ли, космос повидал.

Кай хмыкнул так тихо, что мне едва удалось расслышать.

– С огнем разобрались, а что делать с отсутствием еды, белоснежка?

Я пожала плечами.

– Тогда, – протянул Кай и сделал странное движение руками, – пока ты думаешь, я начну есть свой бутерброд.

– Бутерброд?!

– Толстый кусок хлеба, – он обрисовал в воздухе очертания, – большой кусок мяса, много кетчупа и майонеза... м-м-м, будешь?

Кай сделал вид, что откусывает и жует, потом протянул воображаемую пищу мне. Представив, я сглотнула обильную слюну, а в желудке раздалось урчание, но сдаваться так просто не собиралась.

– Не буду, – возразила я, – он у тебя уже надкусанный, и вообще, я с кетчупом не ем. Лучше выберу... шоколадку.

– Она хороша, когда надо быстро утолить легкий голод, – продолжал поддразнивать этот паршивец, – но если хочешь пережить завтрашний переход, лучше возьми побольше мяса.

– Ты просто ничего не понимаешь в шоколаде, – включилась я в игру, – это не простой шоколад, а приготовленный на заводе самого Золотарева.

– Кто это такой? – рассмеялся Кай.

– Известный кондитер, – я шутливо хлопнула его по груди. – Ты сколько в космосе болтался, совсем одичал, что такого не знаешь?! У Золотарева свои плантации, где он выращивает особые сорта какао-бобов, из которых потом производит настоящий особый шоколад. Не синтетический, представляешь!

– С трудом, – вставил Кай.

– Мы как-то с папой ходили в его ресторан, – с энтузиазмом продолжила я, погружаясь в приятные воспоминания. – Там вот на такой золотой тарелочке, – я соединила большие и указательные пальцы обеих рук, – подают одну единственную шоколадную конфету. Она стоит очень дорого. Ее надо есть медленно, смакуя каждый кусочек. Но если хоть раз попробуешь этот вкус... м-м-м... никогда уже не забудешь...

Я закрыла глаза и сглотнула, почти ощущая сладость на языке. Как ни странно, голод отступил. Я будто на самом деле снова ела особенный шоколад Золотарева, так ярко все представилось.

Распахнув через какое-то время глаза, вздрогнула. С очень серьезным выражением лица Кай сверлил меня взглядом. Мне стало не по себе, совсем как недавно, у костра. Руки сами собой потянулись, чтобы плотнее стиснуть воротник куртки. Заболтавшись, я почти забыла, что разговариваю с малознакомым парнем. Ну и что, что он пока меня не трогал. Этот взгляд... я не знала, как его трактовать.

– П-почему ты так смотришь на меня? – пролепетала я.

– Ты мне кое-кого напомнила.

– Я что, внешне похожа на кого-то из твоих бывших?! – я ощутила неприятный укол в сердце.

– Внешне совсем не похожа. Напоминаешь по-другому, – уголки его губ слегка дрогнули, – характером.

– Тогда вместо шоколада я возьму куриную грудку, –

брякнула я зачем-то невпопад, пытаюсь скорее уйти со скользкой темы.

Возле лица почудилось движение, я вздрогнула и с опозданием сообразила, что это рука Кая. Он коснулся пучка волос на моем затылке, нащупал резинку и потянул ее.

– Что ты делаешь? – пискнула я, но пряди уже рассыпались по плечам. – Отдай обратно! Сам же просил не напоминать, что я – девчонка.

Я выхватила резинку из расслабленных пальцев Кая, но он уже успел другой рукой коснуться моих волос.

– Они кажутся серебристыми, – услышала я его шепот, – ты с ними похожа на русалку.

Мое тело мгновенно стало ватным. Я услышала свое сбившееся дыхание, почувствовала, что Кай шагнул ближе и продолжает смотреть сверху вниз на мои губы. Как наяву почувствовала то мимолетное прикосновение, когда его рот коснулся моего, потому что сама я была не способна даже прожевать тонкий листок. Кай постоянно твердил, что нельзя цепляться за слабых, но сам же нарушил все свои принципы, когда спас ослабевшую меня.

От него исходила сила. И тепло. Я закрыла глаза, уже представляя, каким будет на вкус его поцелуй. Что могут делать со мной его губы, чтобы я точно так же, как Лиза, начала бы стонать его имя...

Меня словно из ведра холодной водой окатили. Я дернулась и отступила назад.

– Прошлой ночью я слышала, как ты занимался любовью с Лизой, – тихо призналась я. – Это было всего сутки назад. Если она жива, то и ваши отношения – тоже. Если она разбилась... – я сглотнула подступивший к горлу ком, – то виноват в ее смерти именно ты. И в том, и в другом случае я не могу радоваться тому, что тебе нравятся мои волосы.

Краем глаза я заметила, как сжались кулаки Кая. Он постоял так немного, потом коротко кивнул, будто соглашаясь с моими словами.

– Я же просто сказал, что у тебя красивые волосы, белоснежка. Что ж вы, девушки, каждый комплимент воспринимаете, как предложение выйти замуж? – язвительно произнес он. – Что ты, что твоя подруга.

Я вспыхнула от негодования. В ушах так и зазвучало шептание Лизы. Кай то... Кай се... Кай говорит, что не хочет с ней расставаться... наверно, они в скором времени пожениются...

Тем временем, сам он чуть повернул голову, будто прислушивался, а потом отрезал:

– Уходи.

Я сделала шаг и увидела то, чего не замечала ранее из-за широкой груди Кая, загораживающей обзор. Бизон стоял неподалеку и смотрел на нас, похожий на огромную гору в своей груди намотанных тряпок.

– Кажется, моя очередь дежурить, кэп, – произнес он таким голосом, что у меня мурашки побежали по коже.

Под напряженными взглядами обоих я поспешила убрать-
ся в звездолет.

***

Остаток ночи я то проваливалась в дремоту, то тревожно прислушивалась к звукам снаружи. Мысль, что Бизон увидел меня с Каем и мог сделать далеко идущие выводы, не давала покоя. Но, похоже, авторитет кэпа еще заставлял бритоголового держать себя в руках, потому что ночь прошла мирно.

Утром двинулись в путь. Оказалось, Кай не просто так бросал слова на ветер, собираясь унести все, что сможем. Мне достался полный рюкзак, парни взвалили на свои спины точно такие же и подхватили самодельные носилки с Каетей. Так как процессия двигалась медленно, а растительность буйно заполонила пространство между деревьями, еще больше замедляя ход, меня отправили вперед прокладывать дорогу.

Небесное светило, названия которого я не знала, но решила по традиции именовать солнцем, поднималось в точку зенита непривычно быстро. Когда мы выходили, в леске стелился туман, а воздух еще охлаждал кожу. Примерно через час мне уже пришлось потянуть застежку куртки вниз, чтобы не вспотеть.

Кай не врал – шагать было тяжело. Земля то бурлила холмиками, о которые спотыкалась нога, то становилась такой

рыхлой, что ступни проваливались по щиколотку. Желудок больше не урчал – он превратился в комок ноющей боли. Я сглатывала слюну, хищным взглядом оценивая встречные мясистые листья растений. Так бы и вонзила в них зубы, представляя, что это – жаркое! Заметив на кусте красные ягоды, напоминавшие по виду рябину, я с надеждой обернулась к Каю. Он перехватил мой молчаливый сигнал, нахмурился и покачал головой. Проглотив досаду, пришлось идти дальше.

Если бы я не мучилась голодом и не страдала от жажды, то наверняка оценила бы красоту местной природы. Иногда в мозгу вспыхивали мысли, что вон то растение по виду очень похоже на папоротник, а вот тут, кажется, самый настоящий земной мох. Что кора деревьев на вид такая же шершавая, как и на моей родной планете. Вот только гнетущая тишина пугала. Ни стрекотания птиц, ни треска веток в чаще. Основной шум в лесу производили только мы.

Когда солнце стремительно закатилось под купол неба и застыло там, как приклеенное, наступила самая настоящая жара. По лбу и вискам потекли капли пота, по спине тоже стекали струйки. Я догадалась, чем это нам грозит, когда стало темнеть в глазах. Мы давно не пили. Воздух обжигал горло, губы потрескались. Я старалась без конца облизывать их, чтобы смочить хоть немного, но это не помогало.

– Остановимся, – глухо сказал за моей спиной Кай.

Я услышала шелест травы, в которую опустили носилки,

и обернулась. Парни с усталым видом принялись раздеваться. Куртки свернули и убрали в рюкзаки. Немного подумав, я подошла к Кате, сняла с нее импровизированные одеяла, подложив ей под голову. Ослабила воротник блузки, с тревогой прислушалась к частому и силовому дыханию подружки.

Затем скрипнула зубами, отошла подальше и расстегнула свою одежду. Сняла верхний слой, но поняла, что надо избавляться и от кофты, иначе буду продолжать терять драгоценную влагу вместе с потом. Когда я осталась лишь в лифчике и белой майке на тонких бретельках, с опозданием поняла, что оба парня смотрят на меня. Прежде я бы сжалась в комок и испугалась, но перед лицом новой опасности все прочие резко перестали иметь значение.

– Что?! – огрызнулась я с раздражением. – У вас что, правда сейчас есть силы думать о чем-то, кроме воды?!

С независимым видом я взвалила обратно на спину рюкзак и побрела дальше. Правда, впереди ждало новое препятствие. Лес понемногу редел. Ветви больше не укрывали от палящего солнца. Представив, каково бедной Кате, я остановила процессию, нарвала листьев, смутно похожих на лопухи, и сделала ей шапочку, прикрывающую голову и лицо.

– Хватит возиться! – рявкнул на меня Кай. – Нам нужно быстрее добраться до реки.

Я вскинула голову, собираясь ответить ему что-нибудь, но увидела, как тяжело вздымается и блестит от пота его грудь, с какой ненавистью Бизон уже сверлит взглядом наверняка

тяжелые носилки, и умолкла. Жизнь Кати зависела от того, понесут ли ее дальше, а это, в свою очередь, уже зависело от моего благоразумия. Поэтому я тихонько простонала, схватила свой рюкзак и поспешила дальше.

Вскоре я могла идти, только усилием воли переставляя ноги. Шаг. Еще шаг. Каждый шаг – как борьба. Внутри проснулся неприятный голосок, который начал шептать: ляг, отдохни, закрой глаза, ты больше не можешь идти. Постепенно его шепот становился все громче. Я готова была плакать от бессилия, потому что отчаянно захотела сдаться.

Потом появился другой голос, который заметил, что кто-нибудь другой на моем месте наверняка бы давно послушал Кая, бросил носилки, без которых мы все пошли бы быстрее, и рванул к спасительной воде. Когда споткнулась и упала на колени, на какую-то секунду мне тоже захотелось так сделать. Я уставилась на кирпично-ржавую сухую землю перед глазами, с ужасом осознавая, на что, оказывается, способна.

В это время со мной поравнялись парни. Меня грубо дернули, я ощутила, как лямка рюкзака соскользнула и обожгла плечо, когда Кай сорвал его на ходу и, умудрившись при этом не уронить носилки, понес сам.

– Подождите меня! – прохрипела я.

Тяжелые ботинки Бизона взрыхлили землю совсем рядом. Покачиваясь, караван неспешно продолжал путь, все больше оставляя меня позади. Никто даже не обернулся.

– Ах, вот так вы! – сухими слезами заплакала я. – Рюкзак,

значит, важнее!

Злость на судьбу, на бессердечного Кая, на саму себя придала сил. Стиснув кулаки и зубы, со звериным рычанием я поднялась и, пошатываясь, снова стала бороться за каждый шаг. В глазах темнело, но ориентиром служила мускулистая, покрытая татуировками спина Бизона. Никогда бы не подумала, что стану с таким вожделением вглядываться в эту гору мышц. Но смотреть по сторонам сил уже не хватало, а мне требовался ориентир, чтобы знать, куда идти.

Неизвестно, сколько времени это длилось, но внезапно спина Бизона согнулась. Он бросил свой конец носилок в траву и прорычал:

– Все! Дальше не потащу! Надоело!

Кай обернулся. Я успела заметить, какой мутный у него взгляд. Похоже, он тоже был на грани.

– Нет! – запищала я изо всех сил и побежала к носилкам. – Нет! Нет! Мы почти пришли!

Стараясь успеть, пока Кай не выпустил носилки из рук, я просочилась рядом с Бизоном и схватила свободные концы. Со стоном попробовала разогнуться, но измученный организм оказался неспособен на новое испытание. Кай еще некоторое время безразлично наблюдал за моими тщетными потугами, а потом разжал пальцы.

– Все, – следом за носилками он сбросил с себя оба рюкзака, – приехали.

– Мы не приехали, – затрясла я головой, – мы совсем не

приехали. Река рядом. Давайте еще немножечко. Ну пожалуйста...

– Река охренеть как далеко, белоснежка, – устало ответил Кай. – Нам пора сбросить часть груза, если хотим дойти.

– Угу, – поддакнул Бизон.

Я посмотрела на Катю. Хорошо, что она не видела, как решается ее судьба. Созерцать такое со стороны, наверное, ужасно.

Бритоголовый, тем временем, подхватил свою поклажу и собирался двинуться дальше. Я едва успела заступить ему путь. Правда, с таким же успехом можно было кидаться под поезд в надежде затормозить его своим телом. Бизон легко оттолкнул меня, я упала на землю. Заставила себя встать и снова бросилась за ним. Вцепилась в руку. Он снова оттолкнул. Я застонала сквозь зубы, на четвереньках поползла следом, ухватила за штанину. Сама не понимала, каким образом могу добиться своего, но не хотела позволить ему уйти из принципа.

Бизон выругался и повернулся, явно собираясь пнуть. В этот момент рядом с моим плечом возникла еще одна обутая в ботинок нога.

– Стой. Я нашел воду.

Я задрала голову. Надо мной возвышался Кай, он удерживал Бизона, всего лишь положив тому руку на плечо.

– Да? – ухмыльнулся бритоголовый. – И где же она, кэп?

– Вот, – Кай отошел в сторону, наклонился и выдрал из

земли приземистое растение с широкими зелеными листьями и круглым белым клубнем. Отряхнув свободной рукой клубень от земли, он показал его нам. – Не помню, как называется, но там очень водянистая мякоть. Поможет утолить жажду.

Я с облегчением выдохнула. Проблеск надежды снова замаячил на горизонте. У Бизона тоже сначала загорелись глаза, но радость быстро прошла. Он наморщил лоб.

– А почему ты только сейчас даешь мне это, кэп? – с подозрением поинтересовался он. – Эти кусты мозолили мне глаза и раньше по дороге.

– Я надеялся, что мы найдем настоящую воду, – ответил Кай, продолжая протягивать бритоголовому растение.

Бизон потоптался на месте, потом перевел задумчивый взгляд на меня.

– Пусть девчонка сначала попробует.

– Твою налево, Бизон! Жри уже это и пойдем дальше! – возмутился Кай. – Я хочу успеть дойти до темноты и при этом не слушать ее вопли каждую минуту.

С этими словами он указал на меня. От возмущения я задохнулась, но бритоголовый на сердитый тон собеседника не клюнул.

– Не-а, кэп, – с ехидцей прищурился он. – Что-то я тебя не узнаю в последнее время. Почему ты не хочешь опробовать это на девчонке? Если она скопытится, нам вдвоем еще проще будет. Что-то ты ее бережешь все время?

– Жри давай! – начал выходить из себя Кай.

Я заметила, как набычился бритоголовый в ответ, и поняла, что червь сомнения, угнездившийся в нем со вчерашней ночи, теперь проснулся с новой силой.

– Заставь меня, кэп! – с вызовом бросил он. – Ну же! Попробуй меня заставить. Мы тут не на твоём корабле, мне надоело, что ты постоянно командуешь.

Сообразив, что вот-вот грянет бунт, я вскочила на ноги и выхватила растение у Кая.

– Никто никого не будет заставлять. Я попробую. Сама хочу.

Нацепив гордую мину, я откусила большой кусок от клубня. На зубах закрипела земля. Кожица напомнила тонкую пленку, а внутри, и правда, оказалась жидкость. Содержимое чем-то походило на огурец. Я зажмурилась, ощущая, как влага смачивает пересохший язык и горло, наполняет благодатью желудок. Вгрызалась еще и еще, со звериной жадностью втягивая в себя мякоть. В целом, овощ оказался неплохим и даже вкусным. Я вытерла друг о друга мокрые ладони и посмотрела на парней.

Между нами повисло молчание. Время шло, а они оба ничего не говорили и только сверлили меня взглядами. Я попробовала улыбнуться в знак того, что со мной все в порядке, но гнетущая атмосфера отбила это желание. Прислушалась к себе – внутри, вроде бы, ничего не происходило...

Постепенно недоверие в глазах Бизона сменялось удовле-

творением, а вот тревога во взгляде Кая, наоборот, росла. Я стояла перед ним, словно смертница с бомбой вокруг пояса, готовой с минуты на минуту рвануть. Неожиданно в желудке у меня забурлило. Я приложила ладонь к животу и подняла растерянный взгляд на парней.

– Вот черт! – воскликнул Кай, а в следующее мгновение я не успела опомниться, как он схватил меня, засунул два пальца в рот и коснулся ими горла.

Рефлекс сработал превосходно. Меня скрутило и вывернуло на траву.

– Отпусти меня! – начала отбиваться я, но Кай с неумолимым выражением лица нагнул мою шею пониже и снова проделал маневр.

Волна ненависти просто затопила меня изнутри, пока вся проглоченная мякоть вываливалась обратно. Растревоженный желудок начал болезненно сокращаться. Сплюнув вязкую слюну, я гневно уставилась на Кая снизу вверх.

– Никогда не ешь того, что не знаешь, – прошипел он, склонившись ко мне и продолжая удерживать за шею.

– Но ты же это сам давал! – возмутилась я.

– Я давал это не тебе... нельзя есть, пока не попробует кто-то другой!

– Так-так, кэп, – тут же оживился Бизон, – то есть мне жрать можно, а ей – нет?! А не хочешь ли ты просто в одиночку поиметь цыпочку? – он выхватил из-за пояса нож. – А я ведь не жадный, предлагал тебе вдвоем ее попользовать.

Ну или по очереди, я не брезгливый.

– Убери это, – выпрямился и с угрозой покачал головой Кай.

– А если не убери? – хмыкнул бритоголовый. – Что тогда?

Прежде чем я успела остановить обоих, Кай бросился на Бизона. Тот взмахнул ножом, но оказался повален на спину. Кай уселся сверху, одним ударом вышиб у противника оружие, а затем принялся молотить обеими руками по лицу бритоголового. В любом другом случае я с удовольствием понаблюдала бы за результатом, но... нынешнее положение перевернуло все с ног на голову. Опомнившись, я подползла и умудрилась вклинить между парнями.

– Уйди! – прорычал в пылу злости Кай, но я крепко ухватилась за его запястье с уже сбитыми костяшками.

– Не уйду! – задыхаясь, взмолилась я, сама не веря, что говорю это. – Он мне нужен.

Оглушенный Бизон только слабо простонал где-то позади меня.

– Что?! – скривился Кай.

– Он мне нужен... – заставила себя повторить я. – Он – сильный... а я – слабая... он может нести носилки... а я – нет...

Кай уронил руку на колени, с недоверием посмотрел на меня и покачал головой.

– Ты же говорила...

– Я была не права.

Поддавшись необъяснимому порыву, я прижалась лбом к его влажной от пота груди, чуть пониже яремной впадины. Повернула голову, потерлась щекой. И плевать, что мы оба были грязными и мокрыми. Внутреннее чутье подсказало, что сейчас никакие слова не помогут, а вот действия – да. По телу Кая пробежала дрожь, он накрыл мое лицо ладонью, то ли прижимая к себе, то ли собираясь отодвинуть. Снова и снова я ласкалась к нему, как самка к своему самцу, понемногу наваливаясь и сталкивая все дальше с противника.

– Ты был прав... с самого начала... во всем был прав...

– Белоснежка... – его выдох больше походил на стон.

Опасаясь, что Кай начнет упрямиться, я обхватила его лицо руками, подняла голову, умоляющим взглядом впиалась в глаза.

– Он *нам* нужен, – прошептала я, – тебе и мне. Слышишь?

Кай неуверенно кивнул. Уткнулся лбом мне в плечо, посидел так немного. Потом весь как-то обмяк и повалился на бок возле Бизона, увлекая меня за собой. Медленно перевернулся на спину, как и бритоголовый. Я осталась лежать между ними.

Никто из нас больше не мог шевелиться.

***

Я очнулась от того, что в рот мне сыплется что-то мелкое. Сначала не поняла, что это барабанит по языку и попадает в

горло, потом ощутила то же самое на лице и распахнула глаза. Меня окутывал полумрак, далеко вверху нависло темное небо, с него летели... капли.

На мой подбородок перестали давить. Я повернула голову к Каю. Лежа на спине в прежней позе, он смотрел на меня и как раз убирал испачканные в крови и земле пальцы от моего лица. Стало понятно, кто открыл мне рот. Его губы тоже были приоткрыты, на них блестела вода. Сколько же мы успели проваляться вот так, если уже стемнело?

– Это... дождь? – недоверчиво прохрипела я, с трудом ворочая языком.

Кай кивнул и неожиданно рассмеялся. У него был по-настоящему безумный вид в тот момент. Я поморгала, наблюдая, как сотрясаются его грудная клетка и живот, как грязные струйки стекают по локтям, пока сам Кай размазывает воду по лицу, как он широко раскрывает рот навстречу дождю, ловит его на язык... и вдруг сама поддалась беспричинному веселью.

– Да! Мы живы! – заорала я прямо в небо. – Это дождь!

Наверно, это была самая глупая реакция из всех возможных, но в тот момент эмоции перевесили все доводы разума. Как же хорошо снова пить, дышать, возрождаться! И плевать, кто что подумает, потому что на грани жизни и смерти невозможно не быть настоящим...

Потоки воды усилились, словно кто-то там, наверху, увидев нашу радость, еще больше открыл кран. В воздухе запах-

ло сырым мхом и землей. С другой стороны от меня послышался торжествующий вопль Бизона. Следуя примеру Кая, я принялась стирать с себя грязь и пот, ощущая, как чистая, увлажненная кожа начинает дышать. Умыв щеки, провела по плечам, выгнулась, скользнула пальцами над вырезом уже влажной майки, прилипшей к груди и животу.

Затем села, отбросила от лица мокрые пряди волос, собрала ладони лодочкой, дождалась, пока там накопится вода, и жадно осушила. Потом снова и снова, до тех пор, пока не почувствовала приятную тяжесть в желудке. К своему стыду с опозданием вспомнила о Кате. Она лежала на носилках там, где мы ее оставили.

Встать на ноги я пока не могла – сильно кружилась голова. Пришлось ползти на четвереньках по мокрой траве. Пока пробиралась, заметила, как стремительно сгущается вокруг тьма. Такой спасительный в первые минуты, дождь вдруг превратился в упруго хлещущие ледяные струи, которые больно секли незащищенную кожу. Вздрагивая, я склонилась над носилками.

Катина шапочка от солнца защищала ее лицо и от непогоды, но вся одежда уже изрядно промокла. Я застегнула обратно ее блузку, вытащила из-под головы куртку и закутала подругу, как могла. Набрав в ладонь воды, приоткрыла ее рот, как Кай делал со мной, и залила туда живительные капли. Катя сглотнула, меня это порадовало. Значит, ее тело продолжает бороться. Я умыла ее и дала еще попить.

Ливень ударил сплошной стеной. Земля вокруг носилок и под моими коленями превратилась в вязкую жижу. Я беспомощно огляделась. Без куртки, в одной майке, начала трястись от холода. Как же я ненавидела эту дрянную протурбийскую планету, где днем стояла невыносимая жара, а по ночам можно было умереть от холода! И, главное, все менялось очень резко! Ну как тут можно вообще обитать?!

Мужская ладонь опустилась мне прямо между лопаток. Я узнала Кая, еще даже не увидев его лицо сквозь пелену воды. Другой рукой он нащупал мои пальцы и вложил в них лямку рюкзака. Я все поняла без слов. Мои вещи. Дернув застежку, вынула кофточку, куртку, быстро нацепила их на липкое мокрое тело. Предусмотрительный Кай уже был полностью одет.

– Где Бизон?! – крикнула я ему, склонившись от потоков воды.

– Я не знаю! – он покачал головой, отчего капли с носа и подбородка разлетелись во все стороны.

– Надо куда-то спрятать Катю!

Похоже, ничего другого Кай от меня и не ожидал услышать. Он поднялся на ноги, схватился за конец носилок и волоком потащил их куда-то в сторону. Я принялась помогать и подталкивать, насколько хватало сил. Вдвоем мы дотянули Катю до широко раскинувшегося куста. Кай уложил голову подруги поближе к корням, а потом принялся пригибать ветви и придавливать их концы камнями, которые по-

падались под руку. Таким образом, над лицом Кати образовалось что-то вроде шалаша.

Порывшись в моем рюкзаке, Кай вытащил большой кусок брезента. Я сообразила, что делать дальше. В четыре руки мы быстро накрыли незащищенную от дождя часть носилок, подоткнули края и привалили их камнями. Это было хоть какое-то, но укрытие для моей подруги.

Затем Кай потащил меня к ближайшему дереву. Я успела рассмотреть похожую на арку выемку в стволе у корней. Перевернувшись на спину, Кай полулежа забился туда, подтянул меня на себя, удерживая поперек живота. Свободной рукой расстегнул свой рюкзак, вынул еще один кусок брезента, накрыл нас обоих сверху. Таким образом, наши головы оказались защищены от ливня под выступом дерева, и хотя в сырой одежде лежать на мокрой земле было не самым приятным ощущением, но брезент не позволял промокнуть еще сильнее. Впрочем, слабое утешение, если учитывать, что из сухого на мне в тот момент оставались разве что трусы.

– Ты дрожишь... – услышала я над ухом шепот Кая.

Мое тело сотрясало в конвульсиях. Я честно старалась их унять, ведь понимала, что лежу на нем сверху, спиной на животе и груди, ягодицами на его бедрах, и наверняка доставляю еще больше неудобства своей трясучкой, но никак не могла с собой справиться. Наоборот, становилось все хуже, начал дрожать подбородок, застучали зубы.

Горячее дыхание Кая обожгло шею сбоку. Я зажмурилась

от того, как остро защемило внизу живота. Все пережитые эмоции смешались в одну кучу и теперь вышли из-под контроля. Я ведь не могла не чувствовать, как прижимаюсь к Каю, и как он держит меня поближе к себе. Он даже не касался моей груди, просто дышал мне в волосы. Возможно, пытался так согреть. Но внутри стало зарождаться что-то нехорошее... неправильное... что-то, чего я не должна была ощущать по отношению к нему...

Ладонь Кая вдруг перестала прижиматься к моей талии. Она медленно и нерешительно скользнула ниже. Протестующий возглас готов был сорваться с моего языка, когда пальцы Кая нащупали и поддели край куртки, но я так и не смогла выдать из себя ни звука. Немного осмелев, он проник под кофточку, а затем – под майку. Рука оказалась теплой. Как и его губы. Как и весь он...

Я невольно закрыла глаза и в тот же миг перестала слышать грохот ливня по брезенту. В ушах звучало только дыхание Кая: слегка сбившееся, немного прерывистое, наверняка звучащее так от того, что я дергалась на его диафрагме.

Кай продвинул руку выше и остановился у меня под грудью, не касаясь ее.

– Тебе холодно, – услышала я его хриловатый голос, – страх холода идет отсюда. Тело дрожит, чтобы выработать энергию и согреться, потому что ты боишься замерзнуть. Если ты расслабишься здесь, то дрожь пройдет.

– Я... – я сглотнула, – не могу расслабиться...

– Чувствуешь тепло от моей руки?

Я судорожно кивнула.

– Представь, что это – огонь. Он греет тебя изнутри. Если ты почувствуешь его, то страх отступит. Все дело в страхе, белоснежка. Если не боишься холода, то его и не ощущаешь...

Голос Кая звучал тихо и монотонно. Если бы не понимание, что его губы – вот здесь, совсем рядом с моей шеей, то я бы еще быстрее попала под магнетическое влияние. Но все-таки заставила себя собраться и расслабить мышцы живота. Сначала это давалось с трудом, то и дело хотелось их снова сократить, так как озябшие руки и ноги продолжали дергаться. Но потом я действительно почувствовала жар от руки Кая. Клетка за клеткой, он медленно заполнял все мое тело, пока не достиг каждого уголка.

С удивлением я поняла, что больше не дрожу.

– Получилось!

– Молодец, белоснежка, – Кай помедлил еще немного и вытащил руку из-под моей одежды. Сразу стало холоднее. – У меня для тебя подарок.

Сдвинув меня чуть в сторону, он полез в свой карман, а потом высунул из-под брезента сжатый кулак.

– Угадай что?

– Ключи от нового звездолета, – проворчала я с мрачным сарказмом.

Кай тихонько усмехнулся над моим ухом.

– А если более приземленные фантазии?

– Ключи от квартиры с теплой постелью и камином.

– Таким я бы не стал с тобой делиться. Забрал бы себе, – поддразнил он, – еще попытка?

Я прислушалась к урчащему желудку.

– Кусок колбасы.

– Не шоколадка?

– Не-а. Смачный кусок колбасы, – я плотоядно облизнулась.

Со смехом Кай разжал кулак. На его раскрытой ладони я увидела круглое печенье с отколотым краешком.

– Крекер! – воскликнула я, не веря своим глазам.

– С сыром. Бизон их любит, вечно трескал в рубке. Я нашел, когда собирал вещи...

– Ты захомячил крекер! И все это время никому не говорил!

Я схватила печенье, почти целиком засунула в рот, откусила. Оно оказалось немного подмокшим, но, похоже, даже знаменитый шоколад Золотарева не мог сравниться с этим кусочком теста.

– Никогда не бывает так охота жрать, чтобы не захотелось жрать еще больше, – рассмеялся Кай. – Наверно, теперь этот момент настал.

От этих слов я опомнилась и вынула изо рта уцелевший кусочек. Вернула обратно Каю.

– На, это твой. Спасибо.

– Я этим не наемся, белоснежка.

– А я не люблю есть в одиночестве.

Кай хмыкнул, но спорить не стал. Услышав, как он быстро проглотил свою порцию, я не выдержала и повернула к нему голову.

– Почему ты все время врешь?

– Я вру?! – оторопел он.

– Почему говоришь, что нельзя заботиться о слабых, что надо думать о себе? С момента крушения ты только и делаешь, что заботишься обо мне. Даже в ущерб себе. Бизон правильно сегодня сказал, ты меня бережешь. Печеньем поделился, а мог бы сам съесть...

Кай тут же нахмурился и отвернулся.

– Ты ведь и рюкзак сегодня с меня снял не потому, что он тебе был нужен, да? – догадалась я. – А чтобы мне было легче без него идти. Ты умеешь заботиться, Кай. Почему постоянно учишь меня поступать наоборот?

– Я забочусь о тебе, потому что дурак, – с недовольным видом пробормотал он. – Ты – слабая, и с тобой я тоже становлюсь слабее. Бизон быстро это сообразил.

– Неправда, – покачала я головой, – если мы объединимся, то вдвоем будем сильнее Бизона.

Кай фыркнул, будто услышал глупость. Но чем больше он упрямился, тем сильнее мне хотелось его убедить.

– Мы могли бы... – я подумала, подбирая слова, – могли бы заключить временное перемирие. Альянс. Ради выжива-

ния. Вряд ли у нас получится стать друзьями или что-то такое. Но мы могли бы стать командой до тех пор, пока не выберемся с этой планеты. У нас ведь одна общая цель: выжить.

Кай поморщился. Покачал головой.

– Я понимаю, почему ты хочешь объединиться со мной, белоснежка. Без меня ты, и правда, ни дня тут не протянешь. Но зачем мне объединяться в команду с тобой? Чем ты можешь мне помочь?!

Растерявшись, я приоткрыла рот. Вопрос поставил в тупик. Кай, конечно, был прав: для него я считалась лишь бесполезной обузой. Внезапно меня осенило.

– Я могу пробовать все незнакомые растения на вкус. У меня даже есть уже опыт.

Кай дернулся. Поначалу я не поняла, что происходит. Но когда услышала его смех, сообразила.

– Не смейся надо мной! – возмутилась я. – Ты, эксперт по травам!

– Прости, белоснежка, – простонал он, все еще не в силах успокоиться, – после такого предложения тебе просто невозможно отказать...

– Ну и славно, – я отвернулась в другую сторону и нахохлилась, глядя, как в полумраке по брезенту продолжает барабанить дождь. – Надеюсь, теперь мы доберемся до реки без приключений. А там и до хвостового отсека рукой подать.

Смех Кая затих так же внезапно, как и начался. Наверно, мы с ним подумали об одном и том же.

– Надеюсь, Лиза до сих пор жива, – сказала я жучку, который полз по коре неподалеку от моего лица.

– А я надеюсь, что она умерла, – прозвучал холодный и безжалостный голос прежнего Кая.

Мои щеки загорелись.

– Послушай, – я задохнулась от возмущения, – если ты думаешь, что с ее смертью все про нее забудут... что я про нее забуду... и забуду, что это ты нас сюда забросил... и мы...

Движение за плечом, подсказало, что Кай повернулся ко мне. Наверняка, он сейчас сверлил мой затылок взглядом, а вот мне никак не хватало духу ответить тем же.

– Я думаю, что если человек выживает, падая с такой высоты, то в лучшем случае будет в таком же состоянии, как вторая твоя подруга. Двух лежащих мы просто не потянем. Тогда тебе придется либо сидеть с ними рядом и беспомощно наблюдать, как они медленно умирают, либо оставить обеих и уйти дальше без них. Вот что я думаю, белоснежка.

Я съежилась и затихла. Кай снова отвернулся. Хотелось фыркнуть и уйти, чтобы показать ему свое презрение, но голос здравого смысла убеждал, что выходить на ливень из-под брезента – не самая лучшая идея. Если простужусь и заболю, антибиотиков тут не найдется и лечить меня некому. Поэтому придется сидеть, смотреть в разные стороны и терпеть неприятную компанию друг друга так долго, пока не утихнут капризы природы.

– Я бы все отдала, чтобы быстрее отсюда улететь, – про-

ворчала я.

– Поверь, здесь всем этого хочется, – буркнул Кай.

Пристроив голову поудобнее, я попробовала закрыть глаза и подремать, но меня постоянно что-то отвлекало. Мужское сердитое дыхание, например. Или рука, хоть и лежащая поверх моей куртки, но постоянно мешающая.

– Хватит ерзать! – наконец не выдержал мой сосед по брезенту. – И ты опять начинаешь дрожать. Отвлекись. Расскажи мне что-нибудь.

– Я не знаю, что рассказать, – огрызнулась я, – могу пересказать наизусть билеты по Истории развития космоса. Это мой любимый предмет, и мы только экзамены недавно сдали.

– Валяй, – снизошел Кай и положил голову мне на плечо.

Я вздохнула. Альянс, конечно, необходим, но где ж взять столько терпения?!

– История развития космоса, как наука, изучает... – начала я по памяти зачитывать первый билет.

Когда дошла до пятого, дождь начал прекращаться. А тихое посапывание Кая подсказало, что тот уснул.

***

Когда Кай открыл глаза там, на незнакомой протурбийской дороге, умирая от истощения после холодных каменоломен, он жестоко разочаровался в собственной удаче. Вместо мамы, чей голос только и заставил его сделать послед-

ний рыбок, над ним склонилось чужое желтое лицо с узкими вертикальными зрачками в болотного цвета глазах.

Девчонка! Протурбийка! По виду – не старше его самого. Это ее длинные черные волосы щекотали Кая, а пальцы – трогали, заставляя дергаться от прикосновений. Он никогда не видел протурбийских женщин, поэтому уставился во все глаза. По правде говоря, и своих соплеменниц Кай не видел уже давно: в каменоломнях их попросту не было. Заметив, что путник очнулся, протурбийка отвернулась и произнесла что-то. Язык местных жителей Кай понимал достаточно для того, чтобы сообразить – она кого-то зовет на помощь.

К одному желтому лицу добавилось другое. Взрослый мужчина напомнил Каю того протурбийца, который выменял его у матери на еду, и мальчик сжался в комок. Отталкиваясь руками и ногами, он попытался отползти, но сил не хватало.

– Папа, это кто? – вопрошала девочка, дергая за одежду старшего.

– Это человек. Помнишь, я рассказывал тебе про другие планеты и их жителей? – протурбиец огляделся. – Кто-то должен быть с ним здесь...

– А может, он потерялся? – протянула она, пока Кай продолжал барахтаться на земле.

Протурбиец снова наклонился над мальчиком.

– Как тебя зовут? Откуда ты? Где твои родители?

Кай замер под гипнозом магнетических глаз. В его мыс-

лях проносились образы, от которых он так надеялся избавиться: возвращение в каменоломни, прежнее место у костра, борьба за еду и тепло. Он покачал головой, собираясь кусаться и драться, если его только попробуют тронуть.

– Ты меня хоть понимаешь? – вздохнул протурбиец.

Кай прищурился и снова отрицательно мотнул головой. Не вступать в контакт с чужаком ему казалось безопаснее.

– Совсем-совсем ничего не понимаешь, что я говорю?! – усмехнулся мужчина. – Ни словечка?!

Кай повторил жест.

– Ладно. Позже решим, что с тобой делать. Не бросать же здесь... Цхала, – протурбиец положил руку на плечо девочки, – помоги мне его устроить.

Кай начал отбиваться, но сильные руки гуманоида легко подхватили его и оторвали от земли. Протурбийка придерживала дверь электромобиля, пока ее отец укладывал мальчика на заднее сиденье. Кай посчитал слои их одежд. Три. Чуть больше, чем у надзирателей в каменоломнях, но гораздо меньше, чем у того, главного протурбийца. В целом – не густо. Мальчик немного успокоился. Если его подобрал не тот самый гуманоид, то, возможно, обратно не повезут. А он пока не видел на этой планете ничего хуже, чем каменоломни.

Так Кай оказался в городе. Его новый знакомый проживал в большом доме с многочисленными комнатами и примыкающим с торца буйно растущим садом. Мальчик с удивлени-

ем разглядывал жилище. Он помнил, что в его родной колонии людей окружали сплавы и синтетические материалы, в каменоломнях Кай видел только грязь и камни, но тут... впервые ему довелось открыть для себя мягкие ткани из растительных волокон, деревянные панели на стенах, изготовленную из гибких, но прочных прутьев мебель.

А главное – здесь было тепло. Кай ощутил это, когда протурбиец поставил его посреди комнаты и принялся снимать с худого тела лохмотья. Расставаться с одеждой приходилось, разве что, летом, но тогда лучи с неба палили и сжигали кожу. А теперь мальчик испытывал непривычные ощущения: не жарко, но и не холодно. Комфортно. Даже мурашки по телу побежали.

– У тебя испорчен позвоночник, – протурбиец, опустившись на колено рядом с Каем, заглянул ему в глаза, – ты выполнял тяжелую работу?

Мальчик уставился в одну точку и молчал. Он не понимал намерений чужака. Мужчина сказал несколько непонятных слов, оглядывая его грудь и живот. Тогда Каю и в голову не пришло, что это могут быть медицинские термины. Пальцы с черными и длинными – по протурбийской моде – ногтями скользили по телу мальчика.

– Здесь можно исправить... и здесь... здесь... хм... тоже можно попробовать... – слышалось задумчивое бормотание гуманоида.

Кай все понял. Его готовят к чему-то еще более худшему.

Не зря протурбиец так ощупывал каждый сантиметр его тела, тщательно осмотрел ноги и зубы, понюхал дыхание. В голову пришла страшная мысль – возможно, его хотят съесть?! Ранее Кай не слышал, чтобы гуманоиды питались людьми, но его скудное воображение нарисовало только такую картинку.

Оттолкнув протурбийца, Кай бросился в угол, переворачивая по пути мебель, и забился там, дрожа всем телом. На шум в комнату заглянула девочка с подносом в руках. Увидев голого Кая, она пискнула и выронила ношу. По полу покатались круглые золотистые фрукты. У мальчика потемнело в глазах. Все, что он мог видеть – еда. Он упал на четвереньки, схватил ближайший плод и начал жадно поедать вместе с кожурой.

– Папа, что с ним...? – в ужасе протянула протурбийка.

– Не подходи к нему, он болен, – ее отец вскинул руку в предупреждающем жесте.

– Чем? Какой-то неизвестной болезнью?! – ахнула она. – Кожной?!

– Нет, – протурбиец покачал головой, – человек болен изнутри... – он посмотрел на дочь и добавил более твердым голосом: – Но мы это исправим. Тебе полезно будет научиться такому виду целительства, Цхала. А пока иди сделай ванну для нашего нового пациента.

Когда девочка убежала, мужчина наклонился и подобрал с пола фрукт. Осторожным жестом он поманил Кая.

– Пойдешь со мной? Дам тебе это. Если не будешь драться

— дам много.

Большого и не требовалось говорить. Как привязанный, мальчик последовал за протурбийцем. Перед носом покачивался золотистый бок спелого и вкусного плода. Еда притягивала Кая, как магнит. Правда, когда его посадили в широкую и круглую емкость с горячей жидкостью и принялись беспощадно оттирать чем-то жестким, он окончательно убедился, что из него пытаются сварить еду. Утешало то, что хоть умрет не голодным.

После экзекуции Кая зачем-то вытащили из воды и отнесли в мягкую постель. Он уснул, еще не коснувшись головой подушки.

Очнулся среди ночи. Вокруг было темно и тихо. Кай сел и стиснул пальцы обеих рук в полной растерянности. Что дальше делать? Бежать? Здесь кормят. Остаться? Кормят всегда не просто так, этот урок он прекрасно усвоил. Откинув теплое одеяло, мальчик на цыпочках прокрался к выходу. В коридоре его нос уловил запах еды. Подобно сомнамбуле, Кай миновал короткий путь до нужной двери и толкнул ее.

В тусклом свете, падавшем из окна, он увидел очертания продуктов, разложенных на блюде посреди стола. Дальше все происходило быстро. Мясо было еще теплым, когда Кай вонзил в него зубы. Он никогда не ел такой вкуснятины. Принялся рвать большие куски и глотать их, почти не прожевывая. Другой рукой нащупал упругие стебли растения, схватил и попутно запихнул в рот и это. Все съедобное приго-

дится.

Над головой вспыхнул яркий свет. Протурбиец, в длинном ночном одеянии, подслеповато прищурился, разглядывая устроенный беспорядок. Кай с опозданием сообразил, что, видимо, потерял осторожность и слишком шумел, чем и разбудил хозяина дома. Он ни секунды не сомневался, какое наказание его теперь ожидает. Наверняка самое страшное. В каменоломнях им не давали такой вкусной пищи, значит, она не для людей. Протурбиец разозлится за украденную еду и истыкает его, Кая, отравленной пикой. Или опять начнет тереть теми жесткими щетками в большом чане.

Взгляд мальчика упал на длинный нож, оставленный на столе. Схватив его, Кай стиснул оружие в кулаке и направил на протурбийца. Еду получит тот, кто убьет первым – это же самая простейшая истина.

Зрачки у мужчины, кажется, так расширились, что глаза стали похожи на человеческие. Тем не менее, он не сделал попытки броситься на мальчика, а остался стоять в прежней позе.

– Зачем ты угрожаешь мне в моем собственном доме? – спокойно поинтересовался протурбиец.

Миролюбивый тон удивил Кая. На агрессию нужно отвечать агрессией, почему сейчас не так? Система жизненных законов, такая четкая и понятная прежде, вдруг пошатнулась. Это пугало. Все, что пугало и представляло собой опасность, следовало уничтожать. Кай угрожающе зашипел

и взмахнул ножом.

– Ты хочешь меня убить? – приподнял бровь протурбиец. – Но я тебе ничего не сделал. Я подобрал тебя на дороге, привез в свой дом, собираюсь лечить твои раны. Ты точно хочешь, чтобы меня не стало и моей помощи не стало тоже?

Кай, наконец, сообразил, что сбивает его с толку. Причина, по которой ему помогают. Он ее не понимал. Настолько, что неожиданно для самого себя решился заговорить.

– Еда... моя... – с трудом произнес он на ломаном протурбийском.

– Значит, ты даже разговариваешь... – мужчина перевел взгляд на разбросанные по столу куски мяса. – Я не отбираю у тебя еду. Она вся твоя. Может, ты разрешишь мне попить? Надо принять на ночь настойку.

У Кая приоткрылся рот. Этот странный гуманоид спрашивает у него разрешения похозяйничать здесь? Где все и так принадлежит ему?! Не придумав ничего другого, Кай нерешительно кивнул. Протурбиец спокойно повернулся к нему спиной, подошел к буфету, взял кувшин и чистый стакан, налил себе питье и неторопливо осушил его.

– Спасибо, ты очень добр ко мне, – повернулся он к мальчику, – без настойки мне трудно уснуть. Ну, теперь я пойду?

Кай осторожно кивнул еще раз. Каждую секунду он ожидал подвоха.

Протурбиец дошел до двери, остановился, окинул мальчика задумчивым взглядом.

– Меня зовут Айшас. Я – лекарь. Со мной здесь еще живет Цхала. Моя дочь. Постарайся сильно не шуметь, она спит. Весь дом в твоём распоряжении. Если можешь – не ломай ничего просто так. Захочешь выйти на улицу – пожалуйста, но подумай, куда пойдешь, чтобы не пропасть. К нам войти не пытайся, я запру двери, – он грустно улыбнулся и пожал плечами, – извини, ты пока больше напоминаешь схура.

Кай продолжал стоять, зажав в дрожащем кулаке нож, и смотреть на протурбийца полными ужаса глазами.

– Схур – это дикий зверь, – решил пояснить тот, – у него острые зубы и когти, но совершенно нет разума, и он рвет все живое, что встретит на пути.

Мальчик поморгал.

– Я могу вылечить все твои телесные увечья, – продолжил протурбиец, – но схура в тебе убить не смогу. Раз он уже поселился в тебе, то убить его можно только вместе с тобой. Зато я знаю, как научить управлять им. Так, что ты будешь жить нормальной жизнью. И схур будет выходить, только если ты осознанно ему это позволишь. Но ты сам должен захотеть, чтобы я научил тебя.

С этими словами Айшас выключил свет и вышел, оставив мальчика в одиночестве размышлять над непонятными словами. Кай доел мясо, глядя в темноту отрешенным взглядом, потом вернулся в свою комнату и лег спать. Внутреннее чутье подсказало – так будет правильнее. Пусть протурбиец бормочет про своих схуров. Если он такой дурак, что готов

делиться пищей и кровом за просто так – грех этим не воспользоваться.

Правда, через несколько дней Кай горько пожалел о своем решении. Протурбиец привел его в странную комнату, сплошь заставленную склянками и увешанную связками сушеных растений, уложил животом на длинный стол и ловко затянул ремни на запястьях и лодыжках. Та девчонка, протурбийка, тоже крутилась рядом. Она больше мешала отцу, чем помогала, потому что то и дело заглядывалась на Кая.

Когда его поили какой-то кислой дрянью из стаканчика, он мужественно терпел. В основном, из чувства, что вынужден рассчитаться за дни кормежки. Но когда сильные руки лекаря легли на спину мальчика и принялись ее разминать, крик боли сам сорвался с губ. Кай, который ни разу не плакал с того дня, как в первый раз вошел в холодный грот каменоломни, и, уж конечно, не кричал, даже когда обмораживал себе пальцы и потом отогревал их у костра – теперь не смог сдержать слез и воплей.

Протурбийка опустила перед ним на колени, в ее глазах тоже блеснула влага. Девочка попыталась взять Кая за руку и пожать его пальцы в знак поддержки.

– Папа тебя лечит, нужно потерпеть, – сказала она.

Кай был уверен, что его убивают. Он выдернул пальцы и заорал все матерные слова на протурбийском, какие только знал. А эту часть лексики гуманоидов он выучил в каменоломнях самой первой и довел познания практически до

совершенства.

– Цхала! Зажми уши! – тут же приказал Айшас, ни на секунду не отрываясь от занятия. – А лучше, вообще выйди отсюда!

Но девчонка упрямо помотала головой и осталась на месте. Правда, отца послушалась и уши закрыла. Под сочувствующим взглядом протурбийки в Кае выиграла давно забытая гордость. Странное чувство и абсолютно бесполезное. Он вцепился зубами в мягкий подголовник, закрыл глаза, чтобы не видеть Цхалу, и только постанывал. Когда пытка окончилась, на него надели что-то вроде жесткой опоры, заставляющей все время держать спину ровно, и отпустили дышать.

Подобные манипуляции Айшас полюбил проделывать со своим пациентом регулярно. Кай мечтал его убить, но каждый раз что-то останавливало. Возможно, отсутствие лучшей перспективы. Внутренний голос стал другим: раньше запугивал, предупреждал, теперь начал успокаивать, убеждать, что боль – это неплохо, потому что за ней приходит облегчение. Кто знает, как отнесутся к человеку другие гуманоиды, если уйти? Айшас хотя бы давал относительную свободу.

Постепенно в Кае проснулось еще одно странное чувство – любопытство. Возникло желание понаблюдать, как живут обитатели дома, когда не заняты своим трудным пациентом. И мальчик наблюдал. Днем к Айшасу постоянно приходили

другие гуманоиды. Он давал им склянки с настоями, иногда мゃл их тела так же, как делал с Каем, а они тоже постанывали и подвывали. Но посетители всегда уходили довольными и рассыпались в благодарностях. По вечерам протурбиец садился с дочерью в гостиной, расчесывал ее длинные черные волосы, и они о чем-то тихо переговаривались. В такие моменты у Кая покалывало внутри. Он не понимал себя, злился, уходил в комнату и запирался там.

Однажды Кай пробирался в помещение, где готовили еду, чтобы стащить лакомый кусочек, и услышал голоса. Он притаился за углом в нерешительности. Мерно стучал о разделочную доску нож, позвякивала о блюдо ложка.

– Папа, – заговорила Цхала, – почему мальчик ворует еду и прячет ее в своей постели? У него из-за этого все постельное белье грязное.

Кай поморщился. Он и не подозревал, что его секрет кому-то известен.

– Не трогай его и не забирай его припасы, – тут же прозвучал голос отца, – это не он прячет еду. В мальчике живет кое-что. Оно поедает его изнутри, поэтому ему кажется, что так он сможет справиться и успокоить это нечто в себе.

Кай растеряннo прижал ладонь к груди. Внутри него кто-то живет? Тот самый схур, на которого протурбиец уже туманно намекал раньше? Почему же тогда ничего не ощущается, кроме голода?

– Поедает изнутри? И съест совсем? Ничего не останет-

ся? – испугалась Цхала.

– Если бы мы не нашли его вовремя, то ничего не осталось бы, – не стал спорить отец.

– Но мы нашли, значит... ты вылечишь это, папа? Да? Надо дать ему порошки, которые ты даешь тем, у кого внутри завелись болотные черви. Я помню, это помогает.

Протурбиец рассмеялся.

– Я вылечу, моя красавица. Не порошком, но вылечу. Зверь, который живет в мальчике, называется страх. Он появился, чтобы защищать хозяина.

– Потому что его обижали... – тихонько протянула Цхала.

– Да. Потому что его обижали. Страх очень силен, и побороть его непросто. Поэтому я хочу, чтобы ты смотрела и училась, как это сделать. Тебе это пригодится, когда ты вырастешь и станешь лечить других, как я. Но запомни, когда мы вытравим из мальчика страх, там останется пустое место. Что обычно падает в пустую яму?

Протурбийка задумалась.

– Всякий мусор.

– Точно. Поэтому нам нужно чем-то ее заполнить, чтобы страх не вернулся или там не завелось что-нибудь похуже.

– И чем же?

Кай затаил дыхание. Нож перестал стучать о доску, послышался шорох одежд.

– Мы заполним пустое место в мальчике любовью. Это самое надежное лекарство от страха. Тогда он никогда больше

не превратится в зверя.

– Я поняла, папа, – зазвучал девичий голосок, – ты делал то же самое со мной, когда умерла мама.

– Да. Поэтому я уверен, что у нас все получится.

Дослушивать Кай не стал. Ему и так хватило, чтобы понять: для него готовят новую экзекуцию. Последующие несколько дней он только и делал, что ждал нового витка пыток. Но все шло своим чередом: массаж, отвратительное питье из склянок, мазь на застарелые рубцы на коже. Тогда Кай понемногу успокоился и решил, что Айшас просто забыл о своих планах.

Иногда он все же прокручивал в голове тот разговор и в какой-то момент пришел к выводу, что, действительно, глупо хранить еду в постели, когда можно в любую минуту выйти и поесть подогретое вкусное кушанье из посуды, в которой его приготовили. Следующим шагом стали вылазки в сад. В погожий день протурбиец любил там копаться, постоянно то сажая, то пересаживая какие-то растения. Завидев Кая, он дружелюбно подзывал его к себе и принимался болтать о пустяках, показывать те или иные ростки и рассказывать, в чем их польза.

Кай слушал вполуха. Несъедобная зелень его мало интересовала. Зато манило другое. Городской шум за стеной. Летательные аппараты в небе. Далекие звезды. Он чувствовал себя чужим здесь, несмотря на все блага цивилизации, доступные теперь. Протурбийцы, приходившие в дом лекаря,

поглядывали на мальчика, как на диковинную зверушку, а ему хотелось оказаться среди своих, таких же, как он, людей. Почему-то казалось, что с ними жить было бы проще...

Как-то раз Кай вышел погулять и застал в саду Цхалу. Она тоже копалась в грядке, совсем как отец, и заулыбалась при виде мальчика. Он же испытывал к ней затаенную неприязнь. Каю не нравилось ее любопытство. Не нравилось, что она совала нос в его комнату и нашла самое дорогое – его припасы. Что не ушла, когда Айшас заставил его плакать на массажном столе, и видела слабым. Постоянно следила за ним, как надзиратель из каменоломен, а уж противнее их никого не было!

На шее у девчонки висел зеленый камень на цепочке. У Кая загорелись глаза: настоящее сокровище! Он подскочил, рывком сорвал с протурбийки украшение. Она охнула, болотного цвета глаза наполнились слезами. Кай еще крепче стиснул в кулаке добычу и погрозил ей, мол, полезешь – не отдам. Цхала заплакала, тогда он убежал обратно в дом и спрятал находку подальше.

Вечером он ожидал, что гневный отец придет заступаться за обиженную дочь. Но ужин, на котором Кай уже сидел за столом наравне с остальными домочадцами, прошел как обычно. Тогда мальчик догадался, что протурбийка никому не наябедничала о его поступке. В каменоломне бы ее засмеяли, а то и вообще заклевали бы за то, что не может постоять за себя. Кай был уверен, что поступил правильно, восполь-

зовался правом сильного и завоевал добычу.

Но ночью ему не спалось. Даже поход за едой не утешил. Что-то настойчиво зудело внутри, не давало покоя, мешало закрыть глаза и отдыхать. С каждым часом становилось все хуже. Утром Кай окончательно извелся. Он едва дождался момента, когда протурбийка выйдет из комнаты, вихрем налетел на нее, сунул обратно в руку камень с цепочкой и опять скрылся.

На обеде они оба старательно прятали друг от друга глаза.

Вечером, когда Кай по обыкновению шел перекусить на сон грядущий, оказалось, что Цхала подкараулила его. Она напала на него сзади, обхватила его только-только обрастающие легким мясцом бока и стиснула что есть сил, уперевшись острым подбородком между лопаток.

– Отстань! Отпусти! – Кай завертелся волчком, пытаясь сбросить с себя девчонку, но она прилипла намертво, как пиявка. – Что ты делаешь?

– Я наполняю тебя любовью, – выдавила Цхала, не разжимая рук, – папа сказал, что я должна заметить момент, когда пора это делать. Я заметила, что пора.

– Да какой любовью?! – завопил Кай. – Пусти, дура!

– Не пушу! – закричала она в ответ. – Не пушу! Я тебя лечу! Терпи!

– Что здесь происходит, дети?! – прогремел голос Айшаса.

Цхала, наконец, отлипла от Кая и отошла в сторонку, виновато потупившись.

– Я спросил, что здесь происходит? – протурбиец перевел взгляд с дочери на мальчика. – Цхала! Я же говорил не трогать его и не подходить!

– Я его лечила, папа!

– Лечить нельзя силой, ты все испортишь!

– Но ты лечил силой его спину!

– То была телесная болезнь. Я говорю о другом! Разве я такому тебя учил?!

Кай покосился на протурбийку, которая опустила голову и шмыгала носом, пока отец ее ругал. У него снова закололо внутри. Так неприятно, что захотелось рукой потереть.

– Мы играли, – с неохотой проворчал он.

– Что?! – протурбиец прислушался, так как произношение у Кая считалось плохим.

– Мы. Играли, – повторил тот, старательно выговаривая слова. – Игра такая.

Цхала в изумлении подняла на него заплаканные глаза.

– Играли, значит, – усмехнулся ее отец. Он ухватил дочь за плечо, подтянул к себе, прижал и потрепал с нежностью. – А ты заметила, да? Глазастая. А я и не заметил...

– Да... заметила, что пора... – прошептала девочка, поглядывая на Кая из-под отцовской руки.

– Играли... – снова повторил Айшас, покачал головой и увел дочь, оставив Кая одного и в недоумении.

С тех пор между мальчиком и протурбийкой установилось молчаливое перемирие. Он старался больше не нарываться

на ее «лечение», а она стала необыкновенно тихой и застенчивой в его присутствии. Только через много дней они снова столкнулись в саду. На этот раз Цхала уже плакала, когда Кай туда пришел. Он осторожно подкрался к ее вздрагивающей спине и заглянул через плечо.

В руках у протурбийки был мохнатый зверек. Далекий от врачевания Кай и то понял, что перед ним не жилец, по угадывающему взгляду крохотных черных глазок, оторванной задней лапе и кровавому пятну на животе.

— Его кто-то покусал... — всхлипнула девочка, когда заметила Кая, и доверчиво протянула ему на ладонях зверушку, — он через забор перелез и к нам упал... бедненький...

Неожиданно Кай ощутил ее боль, как свою собственную. Это чувство так внезапно накрыло его, что он не придумал ничего лучше, чем поступить так, как сделал бы, чтобы унять свою боль. Выхватил пушистый комок из рук Цхалы, поджал губы и стиснул в кулаке маленькую голову, собираясь одним движением ее открутить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.